

**Зарема
Дадаева:**
«У нас не очень
верят в то, что
сделано легко
и в кайф».

(С. 37)

**Борис
Войцеховский:**
«На экране надпись.
Крупно: дорога
на Кубачи. И мельче:
1965 год».

(С. 52)

ДАГЕСТАН

№6 (141)
ИЮНЬ 2017
journaldag.ru

Из собрания Музея истории города Махачкалы

Осман Кадиев,
президент ФК «Анжи»

Колонка неглавного редактора

Идеализируй это

Я бы хотел поговорить с тобой, читатель. Мы иногда спорим в редакции между собой – кто ты? Знаем ли мы тебя, понимаем ли? Дело в том, иногда лично мне хочется думать, что ты – это мы. В идеале.

Нам интересно делать то, чем мы занимаемся в журнале. Надеемся, что тебе – тоже, хотя ты и по другую сторону процесса. Ведь искать и находить что-то новое, это такое нормальное состояние человека думающего. Ну, тут мы себе немножечко льстим, слегка идеализируем. Это тоже, знаешь ли, от желания хоть чуть-чуть приукрасить действительность.

Так вот, о поисках и идеалах. Самый упорный исследователь нового, непознанного, самый последовательный разрушитель мифов, суеверий – это наука. Не та, о которой ехидно замечают, что «британские ученые установили, что при цене барреля нефти за \$100 чиновники тупо не успевают красть, и в стране начинается экономический рост». А та, которую еще иногда называют академическая. Или фундаментальная. Она, эта наука, плохо помещается в формат ежедневных новостей. Ее язык не всегда понятен, читатель. Она откровенно скучна с непривычки. И еще иногда она порой страшно мешает, потому что развеивает твои и наши представления о многом, к чему мы так привыкли.

Сергей Абдухаликович Лугуев, профессор, доктор исторических наук, всю свою жизнь и научную деятельность посвятил народам Да-

гестана. Он был тем первопроходцем, который скрупулезно и очень точно описал традиционные нормы поведения горцев. Между собой. В общине, джамаате. Выявил и объяснил культурные коды. Поведенческие модели, характерные для различных этносов.

Конечно, все мы слышали об адатах. Но поверь, читатель, иногда слышать и знать – совершенно разные вещи. Только попробуй сегодня втиснуть себя в железные рамки адатов всего лишь полуторавековой давности. Боюсь, тебе тотчас станет, мягко говоря, неуютно. На каждом шагу – жесточайший контроль. Хуже того – самоконтроль.

Сергей Лугуев, по собственному признанию, хорошо понимал, что возродить то, что было в XIX веке, абсолютно невозможно. И – откровенно любовался цельной и гармоничной системой отношений, которую выстроили для себя предки и которую мы не сумели сохранить. Нисколько не идеализируя, видел ее подлинную красоту.

Мы подумали и решили, что красоте подлинной науки, прости за вынужденную тавтологию, непременно должно найтись место не только в библиотеках и архивах институтов. Ею хочется делиться с толковыми людьми. С тобою, читатель. Надеюсь, ты сможешь ее оценить. Не пугайся – ты сам не заметишь, как пролетит за чтением время.

Премьера рубрики о науке – уже в номере.

Дмитрий Горбанев

Содержание

Андрей Меламедов

- 4** Шарип Шарипов.
Мясо объединяет

Наида Хаспулатова

- 12** Юнус Саадуев: «Социально
значимые расходы
не сократились»

Влада Бесараб

- 16** Шапи Казиев «Краски
изгнания». Большая книга
о большом художнике

Наука

- 22** Сергей Лугуев.
Этика этноса

Влада Бесараб

- 30** Магомед Даудов.
Они сошлись,
вода и камень

Светлана Анохина

- 37** Зарема Дадаева.
Галерист
и божьи коровки

Фото в номере: Магомед Даудов, Сергей Расулов/ NewsTeam, Сергей Расулов-младший, Руслан Алибеков, Айдемир Даганов, Гаджикурбан Расулов, из собрания Музея истории города Махачкалы

16+

ДАГЕСТАН

№6(141) июнь 2017 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й
этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор)

67-02-08 (отделы)

E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001

УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)

Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001

Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Ислам Абакаров

42 Осман Кадиев:
«Звезда в «Анжи» –
команда»

56 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

**60 Прощальная
краса**

Александр Карапац

Борис Войцеховский

**52 Три поезда
до Кубачи**

62 Лирика

Марина Дождь

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Андрей Меламедов

О главном дагестанском продукте корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с известным аграрным экспертом, доктором экономических наук, профессором, координатором инвестиционных проектов компании «Юагрохолдинг» Шарипом Шариповым.

МЯСО ОБЪЕДИНЯЕТ

– Шарип Исмаилович, скажите, какое блюдо нашей кухни вы считаете главным?

– Конечно, хинкал, без которого не обходится ни один дагестанский стол, даже на самых больших торжествах. Чуть ли не на генетическом уровне у нас закреплена привязанность к этому блюду.

– А какой из многочисленных хинкалов вы любите больше всего?

– Дагестанский, ведь в детстве многие из нас не знали о существовании у каждой народности «своего» хинкала. Знали и ценили тот, который готовила мать. С возрастом, естественно, познакомился с другими его разновидностями, которые для меня одинаково вкусны.

– Очень политкорректно. Между тем мне лично не раз и не два приходилось присутствовать при спорах, в которых представители разных народностей с жаром доказывали оппонентам, что именно их хинкал – вершина национальной кухни. И в дискуссиях на эту тему они никогда не приходили к общему знаменателю. Получается, что разъединяет всех нас тесто, а главным объединяющим фактором является мясо – сердце любого хинкала, его дух, его нерв. Именно мясо объединяет дагестанцев вокруг стола, за которым сидят многочисленные друзья, – ведь, согласитесь, есть хинкал в одиночку не очень правильно.

– Тогда, наверное, надо говорить конкретно о баранине, ведь мясо для любого дагестанца – это, прежде всего, баранина.

– Будем говорить о баранине. И первый вопрос такой: почему наша дагестанская баранина самая вкусная?

– Тут множество факторов играют роль, среди которых ключевое значение имеет удивительно богатое разнотравье наших альпийских лугов, не встречающееся практически нигде, первозданная экологическая среда в горах, чистая родниковая вода. Да, чуть не забыл, благотворное влияние на качество мяса оказывает большое количество солнечных дней

в республике. Наверное, тут также следует отметить мастерство наших овцеводов, умеющих по-хозяйски использовать уникальные природные ресурсы. В итоге получается поистине замечательный продукт, попробовав который однажды, человек хочет видеть его на своем столе постоянно.

– **Крупный рогатый скот тоже пасется на альпийских лугах, но баранина почему-то все равно оказывается вкуснее.**

– Этому тоже есть научное объяснение. Из 800 видов трав, встречающихся на лугах, коровы поедают всего 150, а овцы в силу своих биологических особенностей – более 400. Естественно, палитра вкуса баранины будет богаче, интересней.

– **Руководство республики все время говорят о поиске брендов, которые могли бы стать символами Дагестана. Наша баранина стала брендом сама, без помощи чиновников. На российских рынках баранину, завезенную из самых разных уголков страны, сегодня продают как дагестанскую. Это серьезный показатель, говорящий о качестве нашего мяса. Правда, дальше рынков наше мясо почему-то не идет и в крупные торговые сети не попадает.**

– Да, вы абсолютно правы, многие потребители ищут на рынках именно дагестанскую баранину, и в итоге продавцы бывают вынуждены выдавать мясо, поставляемое из других регионов, за наше. Что же касается торговых сетей, то тут много сдерживающих факторов. Сети требуют со своих поставщиков «плату за вход», которая для рядовых производителей неподъемна. А самое главное – мясо, поступающее в сети, должно быть разделано и охлаждено по евростандартам. Мало произвести хороший продукт, надо еще и создать инфраструктуру агропродрынка. А с этим у нас пока серьезные проблемы. Хотя, должен отметить, что в последнее время ситуация тут стала меняться к лучшему. Фермер Мухтарби Аджиков из Ногайского района, возглавляющий КФХ «Бозторгай», открыл самое современное на сегодня производство, где осуществляется убой, разделка, охлаждение и частичная переработка продукции практически по евростандартам.

Он работает с партнерами, у которых есть выход на крупные торговые сети, и в итоге наша баранина, наконец, «засветилась» в столичных супермаркетах. Правда, объемы пока невелики, не более 800 голов

в сутки. Для серьезных поставок этого явно недостаточно. Кроме «Бозторгая» современные убойные цеха есть на Урицком и Махачкалинском мясокомбинатах, а также в ОАО «Кизлярагрокомплекс». И плюс небольшие производства объемом 100–150 голов в сутки в КФХ «Омарова» в Каспийске, КФХ «Аман» в Тарумовском районе, ООО «АгроИнвест» в Ботлихе. Вот, собственно, и все. Мелкие полукустарные цеха работают исключительно на рынки, из-за низкой культуры производства выйти на сети они не могут.

– Шарип Исмаилович, немного отвлечемся от мяса и поговорим на тему, которой я «болею» очень давно. Порядок выделения субсидий регионам России, существующий до этого года, многие эксперты считали крайне несовершенным, более того – порочным. Москва, по существу, диктовала субъектам: эти

деньги вы должны потратить на сады, эти – на виноград, эти – на поддержку фермерам. Никакой самостоятельности и учета местной специфики. В 2017 году картина, наконец, начала меняться. Скажите, сегодня наш минсельхоз имеет право направить федеральные средства туда, куда сочтет нужным?

– Действительно, пришло понимание, что всех под одну гребенку стричь нельзя, необходимо финансировать направления, экономически значимые для регионов. То есть в Якутии поддерживать развитие оленеводства, а в Дагестане озаботиться развитием овцеводства. С этого года из 54 «целевых» субсидий осталось всего семь. Появилась так называемая единая субсидия, когда регион сам определяет приоритетные цели. Это, безусловно, шаг вперед – регионы обрели свободу стимулирования тех или иных отраслей. Но одновременно

это и серьезный экзамен для чиновников, поскольку тут возникает соблазн направлять деньги исключительно в сторону бизнеса родственников, друзей, знакомых, в ущерб интересам республики.

– А что, по-вашему, необходимо предпринять, чтобы выделяемые федеральным центром деньги работали не на «своих», а на Дагестан?

– Рецепты тут известные: прозрачность, открытость при определении цели и при доведении средств до конечного получателя. Необходимо тщательно обсуждать направления финансирования с привлечением экспертов, ученых, авторитетных практиков, представителей общественности. После определения базовых приоритетов обеспечивать жесткий контроль за порядком финансирования, чтобы

деньги шли в самые проблемные точки. Понимаете, аграрии очень болезненно реагируют, когда сталкиваются с несправедливым отношением со стороны агрочиновников, теряют желание вкладывать собственные силы и средства. А без частного капитала и инициативы «снизу» невозможно адекватно отвечать на вызовы, которые стоят сегодня перед агропромом.

– Представьте, что вам как авторитетному аграрию предложили выработать рекомендации по финансированию самых важных направлений в овцеводстве. Куда бы вы направили средства в первую очередь?

– Однозначно на восстановление продуктивности зимних пастбищ на севере республики. Сначала бы профинансировал проведение полноценных геоботанических исследований, в ходе которых определяется видовой состав растений, их продуктивность. По нормативам такие исследования необходимо организовывать каждые пять лет, у нас же последний раз они проводились лет сорок назад.

После того как результаты будут у нас на руках, необходимо утвердить норма-

тивы нагрузки на пастбища и обеспечить их соблюдение. Уверен, что полученные результаты потребуют принятия мер по улучшению пастбищ (поверхностных и коренных). Аграриям не осилить их без помощи государства, значит, на это тоже нужны деньги. Отдельный пункт – вода, обводнение пастбищных угодий. В свое время в Ногайском районе пробурили где-то 700–800 артезианских скважин, многие из которых за долгие годы выработались, и овец приходится гонять на большие расстояния. Урон от этого двойной: животные теряют в весе, а на пути к водопою выбивается вся растительность. Я уже не говорю о том, что у людей нет возможности организовать подсев кормовых культур, которые нужно обязательно поливать. Вот вам еще одна статья обязательных расходов.

Нужно подумать о восстановлении или прокладке новых скотопрогонных трасс взамен захваченных и застроенных. Я сторонник того, чтобы

государство взяло на себя возмещение части затрат на перевозку овец автомобильным транспортом с отдаленных пастбищ, что практиковалось до недавнего времени. Кстати, для этого не понадобятся дополнительные деньги, средства можно отыскать внутри отрасли. Вот буквально навскидку. На мой взгляд, нужно менять сложившуюся за многие годы практику субсидирования в расчете 100 рублей на овцематку, без учета размеров отары, эффективности деятельности и т. д., что сказывается и на статистике поголовья. Что такое 100 рублей, когда годовое содержание овцы обходится в 1,5–2 тыс. рублей?!

Есть и другие резервы. К примеру, выделяемые гранты у нас зачастую используются не вполне эффективно. Ежегодно около 15 фермерских хозяйств республики получают гранты на развитие семейных животноводческих ферм в размере 5 млн рублей (а с этого года больше). Этого вкуче с собственными средствами вполне хватает на создание образцовых семейных

ферм. У нас же на выходе появляются все те же примитивные сараи и полукустарные производства. Считаю, намного честнее было бы отказаться от финансирования программы, а деньги направить в другие отрасли.

– **Вы хотите покуситься на святое. Количество овец в Дагестане начало стремительно расти как раз после того, как было объявлено о дотациях на овцематок. Не боитесь, что после их отмены овечье стадо в Дагестане начнет сокращаться?**

– Жизнь покажет, что в итоге произойдет. А вообще-то, нам уже сегодня нужно думать об оптимизации численности овцепоголовья на отдельных территориях. Смотрите, в 60–70-е годы продуктивность зимних пастбищ составляла 7–8 центнеров кормовых единиц, что позволяло содержать на одном гектаре две-три,

а в некоторых местностях и все четыре головы мелкого рогатого скота. Сегодня же, по оценкам ученых, кормоемкость этих пастбищ снизилась до 0,5–0,7 центнера. Это значит, что на одном гектаре можно пасти менее одной овцы. А в реальности многие содержат больше трех голов, что ведет к дальнейшему сбитию пастбищ, порождает серьезные экологические проблемы. Некоторые оставляют поголовье и летом на зимних пастбищах, лишая их возможности восстановиться травостой. Об этом мы говорим уже много лет, но воз и ныне там. Добавьте к этому распашку пастбищ под бахчевые, что только способствует эрозии почв.

– **Не боитесь, что в итоге республика потеряет лидирующие позиции в овцеводстве?**

– Если оставить все как есть, не исключая подобной тенденции. Простым

превосходством в численности поголовья в наши дни уже никого не удивишь, результаты работы сегодня оценивают по качественным критериям. Смотрите, по официальным данным в Дагестане имеется 5,3 млн овец из 24,8 млн голов по России в целом, что дает нам уверенное первое место. В Калмыкии отара оценивается в 2,5 млн голов – они вторые. При этом Дагестан поставляет на российский рынок 60 тыс. тонн баранины в год, а Калмыкия 52 тыс. тонн – меньше всего лишь на 13%. И разрыв этот ежегодно сокращается. Объясняется это не только перекосами «овечьей статистики», но, в первую очередь, и тем, что наши соседи сделали ставку на качественные параметры, в том числе селекционно-племенную работу. И потому основу поголовья в Калмыкии сегодня составляют более крупные мясошерстные породы овец. По этому пути, кстати, идет

и Ставропольский край, занимающий третье место – с поголовьем 2,2 млн голов.

– А я, признаться, удивлялся, почему на последней выставке в Элисте большинство наград завоевали именно ставропольские овцы. Очевидно, это как-то связано с деятельностью местных ученых-селекционеров.

– Напрямую. Нам сегодня есть чему у них поучиться. В республике 75% поголовья овец приходится на дагестанскую горную породу, являющуюся тонкорунной шерстно-мясной. Она выведена в середине прошлого века и сыграла историческую роль в развитии овцеводства в республике. Прекрасно переносит «пробежки» на длинные дистанции в пору перегона, адаптирована к местным климатическим условиям, имеет ряд других преимуществ.

Но время-то не стоит на месте. В те годы овцеводство работало на производство

шерсти, которая давала до 60% доходов отрасли. В 90-е годы востребованность шерсти резко снизилась, появились синтетические заменители. В итоге – хроническая убыточность ее производства, доходящая до 35–50%. Был период, когда вообще перестали закупать шерсть, производство которой в Дагестане превышает 14 тыс. тонн. Для наглядности: в лучшие годы за одну тонну мытой шерсти можно было приобрести трактор К-700, а сегодня и 70 тонн не хватит!

А вот мясо овец за это время, наоборот, подорожало, невольно минимизируя убытки от производства шерсти. С учетом возникших тенденций, во всем мире сделали ставку на производство баранины, что внесло коррективы в селекционную программу.

И если мы сегодня реально не включимся в работу по улучшению породной структуры стада, то рискуем растерять завоеванные усилиями многих поколений предков лидерские позиции в овцеводстве. К тому же и в качестве шерсти мы за эти годы значительно отстали и теряем позиции на рынке.

Насколько мне известно, сегодня реальная работа по улучшению дагестанской горной породы осуществляется лишь в СПК «Красный Октябрь» Казбековского района. Этого явно недостаточно!

А соседи наши не дремлют – в прошлом году на Ставрополье завершена многолетняя работа по выведению новой породы овец отечественного мясного мериноса. При этом селекцией плотно занимаются не только они. За последние несколько лет в стране создано четыре селекционно-генетических центра по овцеводству, которые финансируются дополнительно по линии Минсельхоза России. Но Дагестан в этой программе не представлен.

– Вы уверены, что наметившийся в России спрос на баранину сохранится на долгие годы? Если же нет – все эти

деньги, о которых вы говорите, будут выброшены на ветер.

– Больше чем уверен. Объясню почему. Статистика показывает, что потребление баранины в стране неуклонно растет. Люди интересуются здоровым питанием, а в баранине холестерина в 2,5 раза меньше, чем в говядине, и в 4 раза, нежели в свинине. В отличие от той же птицы овцам не колят антибиотики. И наконец, в бараньем мясе содержится большое количество витаминов и ценных аминокислот. В прошлом году Минздрав России при очередном обновлении норм рационального потребления продуктов увеличил нормативы потребления баранины сразу в три раза!

Кроме того, существуют маркеры, которые позволяют нам делать максимально точные долговременные прогнозы развития той или иной отрасли. Я имею в виду позицию крупного бизнеса, который при выстраивании инвестиционной политики проводит широкомасштабные

исследования спроса. И как только крупный бизнес начинает вкладывать серьезные суммы в развитие какой-либо отрасли, можно быть уверенным в том, что у нее

очень перспективное будущее. Недавно один из крупнейших производителей – компания «Мираторг», объявила о своей готовности вложить в развитие овцеводства 20 млрд рублей. Стада будут содержаться в центральных областях России; в течение короткого времени планируется выйти на уровень 60 тыс. тонн баранины в год. Именно столько, сколько производит весь Дагестан!

И это только первая ласточка. Вслед за «Мираторгом» о серьезных инвестициях в овцеводство объявила группа «Евродон» – крупнейший производитель индюшатины в России. Уже выбраны площадки в Курской области, определен породный состав... То есть подготовительный этап практически завершен. Крупный бизнес увидел выгоду вложений в овцеводство.

В лучшие годы за тонну мытой шерсти можно было приобрести трактор К-700, а сегодня и 70 тонн не хватит!

Уверен, уже в ближайшее время две эти компании начнут теснить остальных участников этого рынка. Ведь понятно, что и «Мираторг», и «Евродон» сразу же приступят к строительству современных убойных цехов и оперативно начнут поставлять баранину в крупные торговые сети. После того как это произойдет, конкурировать с ними будет очень трудно, практически невозможно.

– Самое интересное, что стада «Евродона» и «Мираторга», скорее всего, будут пасти дагестанские чабаны.

– Практически на сто процентов уверен в этом. Повсеместно в овцеводческих регионах страны на чабанских точках можно встретить наших земляков, опыт которых, накопленный поколениями, весьма востре-

бован. Наши чабаны – это вообще золотой фонд агропрома. Считаю, что мы в долгу перед ними. Прекрасно помню: в моем селе первые «жигули» получали именно чабаны, их ставили в пример. А сегодня мы про них практически забыли.

– Честно говоря, картину вы нарисовали не очень веселую. В связи с этим последний вопрос сформулирую так: у нас есть еще время на то, чтобы укрепить свои позиции в овцеводстве и не остаться на обочине? Когда уже никого не будут интересовать уникальные вкусовые качества нашей баранины.

– Пока есть, но очень немного. Мы должны начать заниматься нашим овцеводством уже сегодня, иначе у него не будет завтра.

Наида Хаспулатова

Юнус Саадуев стал министром совсем недавно, в феврале этого года. При этом в министерстве финансов Дагестана он проработал фактически всю свою сознательную жизнь. Именно это ведомство отвечает за распределение бюджетных денег. По каким принципам распределяются государственные финансы, станет ли их в этом году больше или меньше, и, главное, стоит ли ждать бюджетникам повышения зарплат? Ответы на эти и другие вопросы – в первом интервью нового министра.

ЮНУС СААДУЕВ: «СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ РАСХОДЫ НЕ СОКРАТИЛИСЬ»

– Юнус Магомедович, сильно ли изменились на новой должности Ваши обязанности? И собираетесь ли Вы менять что-то кардинально в работе министерства?

– Руководитель – это, конечно, более ответственная и значимая должность. Будучи заместителем, я отвечал за несколько направлений, сейчас решаю более глобальные вопросы, связанные, в первую очередь, со сбалансированностью бюджета.

Что касается кардинальных изменений в работе, то эта задача перед всеми министерствами и ведомствами поставлена Главой Республики Дагестан Р.Г. Абдулатиповым с первых дней работы. Проектное управление результатом, прозрачность всех процессов, наращивание собственного финансового потенциала республики, достижение максимального результата от каждого израсходованного рубля – вот приоритеты, которые нам определены руководством республики и над которыми мы работаем.

Правда, необходимо будет более жестко, системно подойти к формированию бюджета, чтобы не получилось, как в этом году, когда мы были вынуждены сократить расходную часть бюджета более чем на 4 миллиарда рублей. Но при этом мы не затронули социально значимые расходы. Иначе говоря, наша главная

задача – полностью профинансировать социально значимые выплаты.

Также предстоит обеспечить выполнение сбора неналоговых доходов. На сегодня он не выполняется, так как не поступают доходы от реализации имущества.

А вообще, основной задачей министра финансов, на мой взгляд, является разработка и реализация взвешенной, ответственной финансовой политики, обеспечивающей социально-экономическое развитие республики, формирование и исполнение сбалансированного бюджета региона с гарантированным исполнением обязательств государства перед гражданами Дагестана. Вместе с тем важно, увеличение доходных источников бюджета, без которых невозможно финансово обеспечить как текущие расходы, так и расходы развития.

– За последние три года цены на продовольствие выросли почти в два раза. При этом зарплата бюджетников в лучшем случае осталась прежней, а у многих сократилась. Как это согласуется с выполнением «майских» указов Владимира Путина? Ждать ли бюджетникам повышения зарплат?

– Мы обязаны обеспечить выполнение «майских» указов Президента России, которые предполагают повышение заработной

платы работникам образования, здравоохранения, социальной политики. Мониторинг заработной платы, который проводит министерство труда и социального развития РД, установил, что средняя зарплата в Дагестане в 2016 году составила 17 301 рубль. Так как зарплата бюджетников должна быть не ниже средней по региону, в нашей республике ситуация благоприятная: наши работники образования получают в среднем 19 528 рублей.

Был сохранен достигнутый уровень средней заработной платы за 2015 год у врачей – 30 835 рубля и социальных работников – 13 561.

В 2018 году ожидается повышение заработной платы нескольким категориям бюджетников в соответствии с «дорожными картами», утвержденными в рамках реализации Указов Президента РФ от 7 мая 2012 года.

– Недавно со ссылкой на ваше министерство прошло сообщение о том, что не будут выделены деньги на бесплатное питание беременным и детям до трёх лет. Кто определяет, какие направления необходимо финансировать? Разве подобная социальная помощь не является обязательной для всех российских регионов?

– Учитывая ограниченные финансовые возможности республиканского бюджета и связанные с ними трудности финансирования принятых обязательств, средства на обеспечение полноценным питанием беременных женщин, кормящих матерей, а также детей в возрасте до трех лет в бюджете региона на 2017 год не предусмотрены. К сожалению, такое положение не только в нашей республике, но и в ряде других субъектов России.

Вместе с тем, особо важные, жизненные статьи на питание и медикаменты были увеличены по сравнению с 2016 годом соответственно на 121,6 и 190,8 процентов еще на стадии первоначального формирования проекта бюджета. В целом, социально-значимые расходы, которые включают заработную плату с отчислениями во внебюджетные фонды, по-

собия, различные социальные выплаты и первоочередные расходы (питание, медикаменты, коммунальные услуги, уплата налогов и т. д.), составили 78,8 млрд. рублей или 76,2% в общих расходах консолидированного бюджета.

– О повышении собственных доходов Дагестана говорится постоянно. Растут ли они? Несмотря на позитивную динамику развития и высокие темпы роста основных показателей социально-экономического развития, именно по ним Дагестан до сих пор находится в числе худших регионов. Почему это происходит и есть ли надежды на изменения?

– В настоящее время доходы растут. Уровень дотационности консолидированного бюджета республики в 2016 году по сравнению с тремя предыдущими годами (в сопоставимых значениях – по новой методике счета) снижен и составил 52 процента. Среднегодовой прирост собственных налоговых и неналоговых доходов в течение последнего десятилетия был на уровне более 15 процентов. В текущем году уточненная сумма налогов и сборов запланирована в размере 35,9 млрд. рублей.

Проблема высокой дотационности бюджета сложилась с начала 90-х годов прошлого века из-за развала административной системы хозяйствования, повлекшей разрыв связей между предприятиями, преимущественно

обслуживавшими военно-промышленный комплекс, последующее их банкротство и практически полную ликвидацию. Вместе с тем, «новая» система межбюджетного регулирования была сконцентрирована на необходимости «насыщения» стабильными доходными источниками, в первую очередь, федерального бюджета, а потом уже регионов, при недостаточности бюджета которых применяется механизм «бюджетного выравнивания». При этом уровень «встречных» финансовых потоков остается достаточно высоким.

Потребуется напряженная работа, в первую очередь от главных администраторов доходов бюджета, налоговых органов, контролирующих и фискальных служб. Вместе с тем, как вы знаете, в республике ведется активная работа по выполнению приоритетных проектов Главы РД Рамазана Гаджимурадовича Абдулатипова. Например – проект «Обеление» экономики», предполагающий расширение налоговой базы как республиканского, так и местных бюджетов за счёт имеющихся резервов. Это реализуется через правительственные и муниципальные межведомственные комиссии с участием всех заинтересованных органов: федеральных, республиканских и муниципальных.

Что касается нахождения Дагестана в числе регионов с низкими социально-экономическими показателями, нужно отметить, что в целом это не так. При том, что по уровню бюджетной обеспеченности и обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, мы действительно отстаем, по многим другим направлениям имеем хорошие результаты – индекс промышленного производства (1 место среди субъектов СКФО), инвестиции в основной капитал (1 место), ввод в действие жилых домов (2 место), объем оказанных платных услуг населению (2 место).

Анализ социально-экономического положения Дагестана за последние годы выявил ряд проблем, сдерживающих успешное развитие. Их решение позволит сохранить положительную динамику экономических показателей и обеспечить опережающее развитие.

– Влияют ли на бюджет крупные инвестпроекты, которые сейчас запущены – территория опережающего развития Каспийска, завод листового стекла, целый

ряд крупных и, главное, активно развивающихся агропроектов?

– Влияют, но изменения видны не сразу. Инвесторы, которые начинают работать в Дагестане, на первое время освобождаются от республиканских налогов. Это позволяет «встать на ноги» предприятию и помогает создать комфортные условия для привлечения инвесторов. Недавно заработал завод «Мараби», завод листового стекла, сразу несколько крупных теплиц и птицефабрик, в них создаются рабочие места, благодаря которым поступает налог на доходы физических лиц в бюджет республики. Естественно, со временем эти предприятия начнут платить и налог на прибыль.

Реальное увеличение доходов сейчас дает приоритетный проект «Обеление» экономики», который реализуют муниципалитеты и министерство экономики. Из «тени» выводится малый и средний бизнес: сейчас на каждом шагу большие торговые точки, рестораны, банкетные залы, а когда их проверяют, оказывается, что официально числятся буквально несколько человек с минимальной зарплатой. Ясное дело, что это неправда. Я считаю, что «Обеление» экономики», на самом деле даст ощутимый «финансовый результат».

– Повышение собственных доходов уже 20 лет является главной задачей глав муниципалитетов. Справляются ли они с этим, кто является лидером, а кто аутсайдером? И как Вы считаете, этот показатель больше зависит от климатических и географических условий или от личных качеств главы муниципалитета?

– В течение последних трех лет идёт рост поступления собственных налоговых и неналоговых доходов бюджетов муниципальных образований республики практически во всех районах и городах. Среди наиболее преуспевающих можно отметить Махачкалу, Дербент, Кизляр, Избербаш, Даг. Огни, Дербентский и Каякентский районы. Снижение уровня поступлений наблюдается в Рутульском районе. Недопоступление в 2016 году сложилось в Буйнакске (91%), Чародинском районе (94%). По остальным муниципалитетам исполнение на уровне 98 и более процентов.

Понятно, что в высокогорных районах невозможно развивать крупный бизнес, и 90% собственных доходов – это налог на доходы физических лиц с бюджетников. В городах и на равнине проще, но почти все налогооблагаемые предприятия работали на оборонную промышленность, сейчас все закрыты или еле выживают. Фактически единственные крупные налогооблагающие предприятия – коньячный завод и завод игристых вин в Дербенте и Кизлярский коньячный комбинат.

Нельзя забывать, что от главы муниципалитета многое зависит, он должен активно работать с регистрационными и силовыми структурами, искать инвесторов и помогать им. Мы часто видим позитивные изменения при смене глав, то есть новый руководитель выстраивает работу должным образом и получает позитивный результат.

– Наибольший удельный вес в структуре налогов в Дагестане приходится на налог на доходы физических лиц. Это нормально?

– В сложившихся условиях, когда граждане преимущественно заняты в сфере гражданской, муниципальной служб, в бюджетной сфере, налог на доходы физических лиц остается основным источником пополнения консолидированного бюджета республики. В некоторых районах и городах он достигает уровня 80–90 процентов от общего объема налоговых и неналоговых доходов. В то же время, начиная с 2014 года, доля налога на доходы физических лиц снизилась с 40 до 34 процентных пунктов.

НДФЛ, наряду с налогом на прибыль организаций, является наиболее весомым доходом бюджетов. НДФЛ – один из легко взыскиваемых налогов, поскольку удерживается налоговым агентом при начислении заработной платы.

В целом по России его доля в налоговых доходах бюджетов субъектов составляла 40,6% в 2015 году и 39,9% в 2016 году.

Аналогичная тенденция характерна для большинства развитых стран мира.

– Главная задача министерства – следить за исполнением республиканского бюджета. Насколько часты случаи нецелевых расходов, и часто ли выделенные на объекты или проекты деньги не используются и возвращаются в бюджет?

– С предложенной Вами формулировкой о главной задаче министерства финансов «следить за исполнением республиканского бюджета» не могу согласиться. В первую очередь мы должны обеспечить качественное и эффективное составление проекта бюджета, учитывающего максимально возможную мобилизацию доходов бюджета, рациональное распределение бюджетных средств по направлениям, учитывающее приоритетные расходы, разумную долговую политику, и, в конечном итоге, – эффективное исполнение.

В меру своих полномочий, технических возможностей и в соответствии с процедурой исполнения бюджета, установленной бюджетным законодательством, министерство обеспечивает своевременное, целевое финансирование бюджетных расходов министерствам и ведомствам – главным распорядителям республиканского бюджета.

Последующее освоение бюджетных средств, в соответствии с назначениями (сметами – для казенных учреждений, планами финансово-хозяйственной деятельности – для бюджетных и автономных), в рамках утвержденных государственных программ, является компетенцией органов исполнительной власти, как главных распорядителей бюджетных средств.

Контрольные функции осуществляют: Счетная палата Республики Дагестан и Служба государственного финансового контроля Республики Дагестан, созданная 4 года назад. Согласно представлениям этих контрольных органов по материалам проверок Минфином принимаются меры по взысканию сумм нецелевых расходов.

В части неполного освоения средств следует отметить, что согласно бюджетному законодательству по завершению финансового года (31 декабря) неиспользованные бюджетные средства перечисляются на счет республиканского бюджета, образуя остатки на 1 января следующего финансового года, которые являются источником финансирования дефицита бюджета. Целевые федеральные средства, оставшиеся неосвоенными, перечисляются в федеральный бюджет и, по мере надобности, в установленном порядке, могут быть возвращены в бюджет республики на те же цели.

Влада БЕСАРАБ

Весной в Махачкале состоялась презентация романа Шапи Казиева «Краски изгнания» – о жизни первого профессионального дагестанского художника, выпускника Мюнхенской академии художеств Халил-бека Мусаясула.

БОЛЬШАЯ КНИГА О БОЛЬШОМ ХУДОЖНИКЕ

Обычно анализ произведения начинается с анализа его внешней композиции и жанровой природы. Когда речь идет не только о тексте, но и о конкретной книге как материальном предмете, важно также учитывать и ее архитектуру – размер, вес, толщину, расположение текста и иллюстраций на страницах, шрифт и проч. Так вот, «Краски изгнания» – это большая книга.

Точнее, это большая и очень толстая книга. Бывают, конечно, и больше, и толще – альбомы по искусству, например, или словари. Но их читатель не будет долго держать в руках: возьмет с полки, раскроет, взглянет на нужную страницу и уберет обратно. Или отложит. В романе Казиева 700 (!) страниц, набранных мелким шрифтом на небелой тонкой бумаге. Читать, держа книгу на весу, не просто неудобно, а физически тяжело. Да, можно было бы разбить текст на два-три тома, но тогда бы ощутимо выросли издательские расходы и, соответственно, розничная цена. А между тем в свободной продаже в книжных магазинах Махачкалы книга и так стоит более 2000 рублей, а в одном из популярных интернет-магазинов 3359 р.

Можно было бы поступить иначе, сократив текст страниц этак на 200, а еще лучше

на 300. Причем он от этого только бы выиграл. Почему, попытаемся объяснить ниже, а пока вернемся к жанровой природе и внешней композиции, а также разберемся в отношениях между автором и героем.

Итак, перед нами роман (так определяет его сам автор) в трех книгах. Действие развивается по линейно-хронологическому принципу. Но есть и вставные эпизоды, в которых герой вспоминает прошлое, или, читая свои дневники, вспоминает о том, как он его вспоминал. Подобное монтажное начало (вставные рассказы и лирические отступления) присуще в той или иной степени многим сюжетным произведениям от «Евгения Онегина» и «Мертвых душ» до «Мастера и Маргариты» и литературы европейского постмодернизма, где оно является основообразующим. Монтажная композиция не просто разбивает монотонность линейного повествования, она позволяет автору постигать мир (включая и внутренний мир героев) в его многообразии, противоречивости и единстве, а читателю – замечать существенные связи явлений, прямо

никак не связанных. В главе, где автор решается на параллельный монтаж, буквально сталкивая такие противоположности, как фашизм и ренессанс, художник и политика, художник и обыватель в рамках диалога героя и его любовницы в совершенно неподходящем для этого месте (музее), это получается замечательно. Образы сразу становятся живее, полнокровнее, а комический эффект только усиливает трагизм ситуации, потому что читатель-то знает исторический контекст, в котором происходят описываемые события. Монтаж применен и в самом названии главы – «Дюрер и Муссолини». К сожалению, Шапи Казиев (на фото) не использует возможности этого приема в полной мере, хотя сюжетная основа произведения дает ему эту возможность.

Да, главы Шапи Казиев не нумерует, а называет. Применительно к литературе последних столетий, Бахтин писал: «Мы встречаем активного автора, прежде всего, в композиции произведения». В нашем случае активность автора, авторская точка зрения ярче всего проявляется в названиях глав, то есть в элементах внешней композиции романа (пока что мы называем рассматриваемое произведение романом). Именно здесь автор дает волю своим эмоциям – от иронии до сострадания, от восторга до бессильного отчаяния. Восклицательные знаки в некоторых названиях («В Париж!», «Домой!», «В путь!», «Welcome!») усиливают динамику действия, повышают и без того сильный эмоциональный градус, который читатель уже не может не заметить. В основном же тексте, в композиции внутренней, автор себе таких вольностей не позволяет, а там, где позволяет, тут же тусуется и прячется. В основном – за героем.

Шапи Казиев проделал колоссальную работу, изучая биографию Мусаясула. Он использовал самые разные источники: от дневников художника и его книги «Страна последних рыцарей» до воспоминаний вдовы Халил-бека, рассказанных его племянникам во время их встреч в США. Видимо, поэтому события третьей части произведения, относящиеся ко времени совместной жизни Халил-бека и Мелани, выписаны вы-

пукло, действие развивается динамично, эмоции, детали трогают необыкновенно. А подлинность чувств героя не вызывает сомнений. Письма, архивные документы, литературные источники (например, роман Ю. Слезкина «Столовая гора»), фотоматериалы – все было тщательно проанализировано и отработано. Поистине титанический труд. Никого не надо убеждать, что, как всякий дагестанский интеллигент, Казиев с большим пиететом относился к имени Халил-бека Мусаясула и его творческому наследию.

И именно в этом заключается очевидный промах: герой находится в плену у автора, а автор в плену у героя. Он так бережно, с таким трепетом обращался с фактами биографии художника, что в итоге написал не роман, а романизированную (и романтизированную!) биографию. Возродил почти забытый жанр жития, не побоюсь этого слова.

Роман как большой литературный жанр, по определению, осваивает жизнь человека в динамике, в становлении, в конфликте его отношений с окружающей действительностью и/или самим собой. В нашем же случае никакого конфликта нет. И в последней главе герой умирает таким же,

Казиева нет. Его герой ее не чувствует. А должен! Потому что все вокруг чувствуют и вообще, *noblesse*, как говорится, *oblige*. Бушуют революции, мировые войны, герой перемещается между странами и континентами, но везде его любят красивые женщины и везде хорошо продаются его картины. У него все не просто хорошо, а замечательно! И тоска, накатывающая на него периодически, не тоска, а так, легкий *spleen*. У героя болит сердце,

но не болит душа.

Возможно, реальный Халил-бек Мусаев чувствовал иначе. Точнее, он именно иначе и чувствовал, судя по его письмам, дневникам и даже «Стране последних рыцарей» (хотя это полностью художественное произведение и Мусаев-автор четко отделяет себя от лирического героя, даже дает ему другое имя, нарочито отстраняясь), а, главное, судя по его картинам, которые, при всей

каким предстал перед читателем в первой (возрастные изменения в расчет не берем). Он не эволюционирует ни как человек, ни как художник; его принципы, убеждения, вкусы и мастерство не подвержены никаким изменениям. Правда, иногда автор словно спохватывается и пишет о тоске, мучающей художника, о том, как он страдает вдали от родины. Скучает ли он по родным, оставшимся в Чохе, переживает ли за их судьбу? Безусловно. Но большого страдания (а это неременный атрибут всех великих русских романов), сводящей с ума ностальгии, какая есть в «Беге» Булгакова, в произведениях Бунина, в песенках Вертинского и даже в юмористических рассказах Тэффи и Аверченко, – в книге

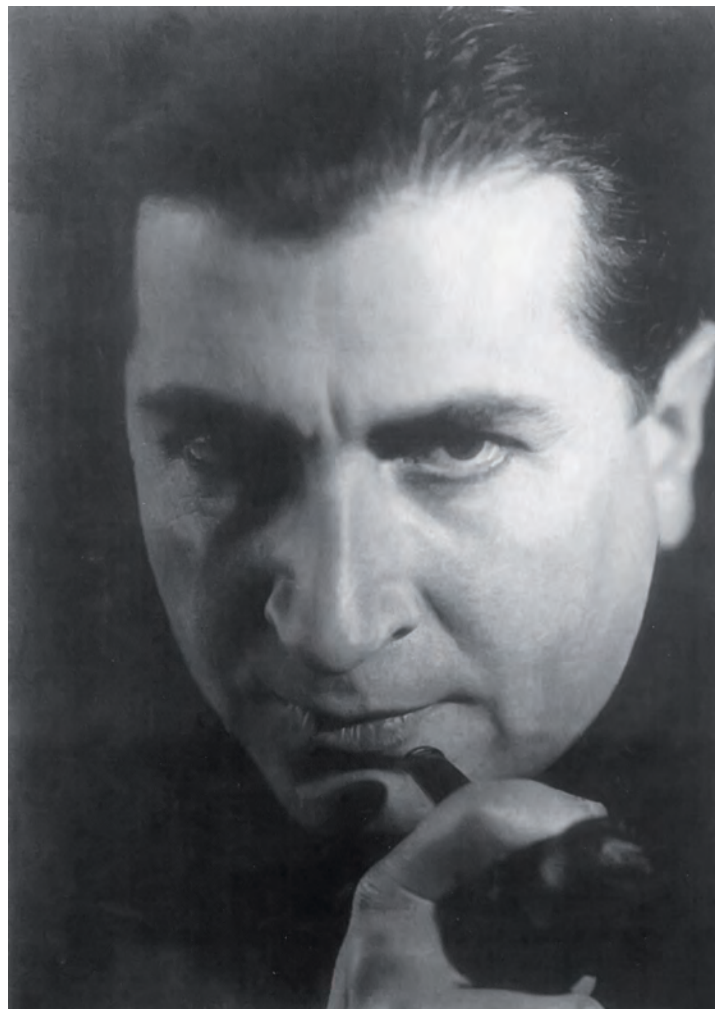
жизнерадостности и светозарности красок, полны подлинной печали, великой скорби. «Краски изгнания» содержат большой блок цветных иллюстраций, достаточно качественно воспроизведенных. Отдельные рисунки, наброски и рукописные заметки Халил-бека встречаются прямо в тексте и прекрасно дополняют его.

Кстати, о ностальгии и ее влиянии на творческую личность в мире реальном и литературном... В то время как тот же Есенин шел по пути саморазрушения, что отражалось в его стихах – нервных, агрессивных, бунтарских, вызывающих, воззывающих, воющих, Бунин писал светло и тихо, на бумаге воссоздавая навсегда потерянный идиллический мир старой России, которой любовался, обливаясь слезами. Художник Мусаев в этом отношении сродни Бунину.

Но вернемся к герою «романа» «Краски изгнания». Имея на руках столь богатый биографический материал, Казиев мог бы написать интереснейший авантюрный роман. Роман потока сознания вообще можно было сотворить, опираясь только на картины Мусаясула. Но наш автор изначально не хотел писать роман. Он пытался, ни много ни мало, создать миф.

Само по себе это не порицается, есть и такой жанр. Но суть в том, что миф о первом дагестанском художнике, о «Шамиле в бурке» (определение Расула Гамзатова) у нас уже есть. Нам бы живого, полнокровного, ошибающегося, любящего и ненавидящего Халил-бека. Чтоб он пах красками, потом, кровью, пылью дорог! Но автор побоялся проявить самостоятельность сам и дать ее своему герою. Феномен кавказской комплиментарности (определение культуролога Тимура Мусаева-Кагана) во всей красе.

Так кому, собственно, адресовано произведение Казиева? У каждого писателя есть особое ощущение и понимание своего читателя. Ну или представление о нем. Очевидно, что Шапи Казиев рассчитывал на «культурного читателя» (термин Бахтина), то есть имеющего определенный интеллектуаль-

ный багаж, широкий кругозор, способного в принципе воспринимать очень большие тексты (предварительно заплатив за них 2000–3000 рублей, не будем забывать). Рассчитывал ли он только на дагестанского читателя? Явно нет, ведь книга издана москов-

ским издательством. И вот тут получается нестыковка.

Книга «невкусно» написана и поэтому не оставляет оттенков

послевкусия. По крайней мере, для тех читателей, кто знаком с биографией Мусаясула и его творчеством. Как ее воспринимают «наивные читатели», не знакомые ни с дагестанскими реалиями, ни с личностью художника, – сказать сложно. Если таковые найдутся и им будет, что сказать, то редакция приглашает их к диалогу.

Если продолжать гастрономические ассоциации, книга местами пересолена, а потом так разбавлена водой, что выловить

И о любви. Действительно, художник Мусаясул любил женщин, и женщины любили его.

в ней хоть что-то съедобное очень сложно. Это мы, наконец-то, добрались до текстового анализа.

Куда смотрел корректор и был ли у книги литературный редактор? Ладно бы все ограничилось отсутствием запятых и обыкновенными пропущенными опечатками. Но по всему произведению в изобилии рассеяны странные пафосные речевые обороты вроде «высокий лоб, увенчанный густыми волосами» (с. 12), «прошел путь от юнкера... до участия в сражениях» (с. 18). Хватает и фактических ошибок, например: «Гойя писал свои офорты» (с. 596). А если начистоту, то и Дюрер на автопортрете 1500 г. «тонкими пальцами» теревит не горностаевый мех (с. 145). Что касается средств художественной выразительности, то автор не балует читателя разнообразием: «Течение времени, как горная река...» (с. 21), «Коммунизм, как горная река» (с. 79) и далее по тексту еще несколько «рек». Да, мы знаем, что автор и герой из Дагестана, но можно было подобрать и другие сравнения, хотя бы для того, чтобы избежать повтора, не говоря уже о том, что сравнивать время с рекой опытному литератору просто неприлично. Это все равно, что рифмовать «розы-морозы». И у какого же «культурного читателя» хватит терпения 700 страниц продираться к финалу (который изначально известен) через мнимые стилистические красоты («в антрактах она губила себя кокаином» (с. 17)) и штампы вроде «господа и товарищи смотрели друг на друга» (с. 30), «усталые и довольные, студенты вернулись обратно» (с. 202)? А ведь есть еще описания картин!

Глава «Знамена предков» имеет важное смысловое значение, так же, как картина «Знамена горцев» – знаковая в творчестве художника. История ее создания написана подробно, но при этом живо. Волнение, которое охватило героя, спешившего запечатлеть, зафиксировать на бумаге знамена, «заревявшие... в его взбудораженной памяти» (с. 240), охватывает и читателя. Но зачем так подробно описывать ВСЕ, что герой видит в Египте? Понятно, что как бы для того, чтобы показать его душевное состоя-

ние через восприятие им шедевров древности и провести параллель между прошлым и современностью. Но почему нужно эксплуатировать этот прием бесконечно, причем акцентируя внимание не на переживаниях героя, а на произведениях искусства? Помимо главного героя, о котором было сказано выше, в книге действуют множество других реальных исторических персонажей. И вот они, как ни странно, не выглядят восковыми копиями оригиналов. Кроме, пожалуй, Есенина, будто бы списанного с актера Безрукова из одноименного телесериала. Особенно удался автору образ Франца Рубо – русского художника французского происхождения, который большую часть жизни прожил в Германии, а большую часть творчества посвятил Кавказу. «Я писал Кавказ во время войны. А мир, красота и любовь достались вам» (с. 253), – говорит Рубо своему молодому другу и коллеге Халил-беку, и читатель верит, что так оно и было. Шапи Казиев тактично обходит стороной интересную исследовательскую загадку: а бывал ли вообще Рубо в Дагестане?

И о любви. Действительно, художник Мусаясул любил женщин, и женщины любили его. Но нас интересует опять-таки книжный Халил-бек и его любовные приключения. Их в книге много, но, увы, читать о них неинтересно. Ну не удаются автору любовные сцены! Кажется, что смотришь французский фильм, в котором для советского проката повырезали все «неприличные» сцены. И вообще в отношениях с женщинами герой всегда ведет себя одинаково: подходит и предлагает позировать (если девушка ниже сословием – тут же рисует портрет), а дальше она уже сама приходит и сама все предлагает.

Даже если в жизни так оно и было, то в литературной действительности стоило бы внести некое разноеобразие.

Ах да, не совсем понятно, почему в главе «Добыть невесту» герой при первой же встрече легко уговаривает родителей девушки своего приятеля благословить дочь на брак, которому они несколько месяцев противятся, но никак не может добиться благословения от своей собственной будущей тещи. И зачем вообще нужен этот эпизод с добыванием невесты? Его герои в книге больше не появляются, и он не связан ни с чем никакой внутренней логикой. Хотя в других случаях Казиев профессионально привязывает сюжетные ответвления к основному действию, а некоторые третьестепенные персонажи пунктирной нитью проходят по всему сюжету.

Среди последних интересна параллель между натурщиком Вилли – живым олицетворением идеи о германских сверхчеловеках и старым евреем Шмульсоном – унтерменшем для «истинных» арийцев. Оба они имеют некое отношение к искусству: Вилли позирует в Академии худо-

жеств в качестве мускулистых нордических героев, а Шмульсон держит магазин художественных принадлежностей. После всех перипетий Второй мировой Вилли нелепо погибает на ступеньках Академии, а Шмульсон, чудом выживший в концлагерях, вновь открывает свой магазинчик. «Палитра победила, маэстро!» – говорит он изумленному Халил-беку.

И, может быть, именно в этом главный посыл книги – искусство бессмертно и всегда побеждает политику. Ведь и Халил-бек Мусаев – «Шамиль в искусстве», наш первый профессиональный художник, при жизни объявленный «невозвращенцем», – после смерти все-таки вернулся на родину.

На снимке: Мюнхен, 1927 год. В гостях у знаменитого немецкого лингвиста-кавказоведа Адольфа Дирра по поводу его 60-летия. Слева направо: Адольф Дирр, Людвиг Вильгельм, художник-баталист Франц Рубо, Халил-Бек Мусаясул, писатель Томас Манн и неизвестная.

ЭТИКА ЭТНОСА

Сергей Абдулхаликович Лугуев. Ученый, энциклопедист, автор более двух сотен научных публикаций и одиннадцати монографий о народах Дагестана. Историк, этнограф. Профессор, доктор наук. Полевик, побывавший в экспедициях по всей республике.

Подборкой цитат из его докторской диссертации «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.» мы начинаем серию публикаций в нашей новой рубрике о науке.

Национально-культурные стандарты общения стереотипны, устойчивы, сохраняются веками без изменений, порою уходя своими корнями в глубочайшую древность. Они являются общепринятой социальной нормой, с помощью которой общество осуществляет контроль над индивидуумом. Механизмом передачи норм культуры поведения, этикета из поколения в поколение служит обычай в широком смысле слова (включая обряд и ритуал), являющийся опорой и основой всех этнических традиций.

Может ли человек любого общества вытереть с лица пот, когда ему заблагорассудится, чихнуть, зевнуть, почесаться? Нет, и не нами впервые это сказано. Мимика, жест, поза, обращение, речь, проявление дружелюбия, безразличия или враждебности, манера почесываться, сморкаться, вытирать пот и облизывать губы – все это в определенных ситуациях или «разреше-

но», «обязательно», или «запрещено», «постыдно», «преступно».

Неукоснительно соблюдаемые правила общежития вытекали из коллективных условий жизни дагестанских обществ. Поведение индивидуума или группы лиц должно было не нарушать сложившиеся условия и механизмы жизнедеятельности общины, джамаата.

Совершенно не допускалось шумное поведение в пределах селения в ночное время, в непосредственной близости у дома тяжелобольного, у перенесшего горе, беду. В группе келебских селений исключение делалось для кузнецов, в преддверии сельскохозяйственной страды изготавливающих или ремонтирующих орудия членов джамаатов.

* * *

По неписаным адатам даргинцев Сюргинского участка, в случае болезни престарелого уважаемого человека, громко кричащих

ослов, ржущих лошадей, лающих собак их хозяева на время выводили за пределы селения. В подобных же случаях в селениях Ахтыпарынского союза чауш в преддверии вечерней молитвы требовал от жителей того или иного квартала соблюдения тишины. Если в селении был траур, свадебные и прочие торжества либо откладывались, либо – с разрешения, благословения пострадавших – проводились без излишнего шума, без музыки, в атмосфере сдержанных эмоций.

«Не станут никогда
В одном конце аула
Справлять рождение,
И свадьбу затевать,
Когда умершего
Оплакивает мать
И вся родня –
В другом конце аула».

* * *

Во всех горских и плоскостных селениях люди придерживались целого комплекса неписаных, но неукоснительно соблюдаемых правил. Например, запрещалось размещать или складывать материалы (камни, бревна, жерди, кизяк и др.) так, чтобы они загораживали подход, подъезд к чьему-либо дому, к группе домов, к кварталу. Сжигая мусор или разжигая костер, надо было следить, чтобы дым и газ не наполняли чей-либо двор. Взрослые категорически запрещали детям проводить свои шумные игры рядом с домом больного, раненого.

* * *

Каждый хозяин постоянно следил, чтобы участок улицы, прилегающий к его дому, был удобен для пешеходов и проезжих: бугры сглажены, рытвины и лужи засыпаны галькой, щебнем, песком, зимой убран снег, сколот лед. Совершенно не допускалось выливание нечистот и помоев на улицу, складывание, ссыпание за пределами усадьбы пришедшего в негодность старья, сваливание навоза.

* * *

В селении, в джамаате, между соседями, родственниками одалживалось почти все, начиная с продуктов и утвари и кончая

скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Пойти за необходимым к родственнику или односельчанину, минуя соседа, было равносильно нанесению ему обиды. Точно так же можно было обидеть друга, обратившись за чем-либо не к нему, а к другому односельчанину. Вообще, одолжить что-либо, взять что-либо во временное пользование, займы, не считалось унижением для одной стороны и приравнивалось к акту уважения и доверия по отношению к другой стороне.

* * *

Одним из доминирующих принципов в общении было подчеркнуто уважительное, доброжелательное отношение к отдельному лицу или группе лиц. Главная мотивация такого поведения заключалась в стремлении не задеть гордость и самолюбие партнера или партнеров по общению, не ущемить их достоинства невниманием, излишней фамильярностью, недостаточной почтительностью. Некая вольность в общении, шутивно-грубоватый тон взаимных пикировок на людях был допустим только в общении друзей, представителей старшего поколения, не находящихся в отношениях свойства или родства, знающих друга друга не один десяток лет. Между родственниками и свойственниками такое поведение исключалось, считалось неуместным.

* * *

С подчеркнутым уважением младшее поколение относилось к родственникам отца и матери, к старшим членам патриимии, тухума, к любому представителю старшего поколения джамаата. Любой старший не только имел право, но и был обязан сделать замечание нарушителю установленных норм поведения. Получивший такое замечание, а также его родители и родственники воспринимали это как должное, само собой разумеющееся. Пройти мимо детей, подростков, юношей, молодых мужчин и при необходимости не призвать их к порядку, не сделать уместное замечание, не высказать по соответствующим поводам своего недовольства было бы

в глазах общественного мнения актом недружелюбия, недоброжелательности, заглаженной обиды или неприязни и даже враждебного отношения.

* * *

В разговоре, в общении со старшим исключались – в какой бы то ни было форме – проявления панибратства и фамильярности. При случайных встречах следовало спросить старшего, не нужна ли ему какая-нибудь услуга. К старшему почтительно подводили коня особым образом: младший держал коня под уздцы, разворачивал его таким образом, чтобы старшему удобно было садиться, передавал ему узду, а затем помогал сесть в седло, поддерживая правое стремя. Если старший спешил, те же знаки внимания оказывались в обратном порядке: младший придерживал правое стремя, почтительно брал из рук седока поводья и отводил коня в сторону. Отказ от оказа-

ния той или иной услуги следовало вразумительно обосновать и найти слова извинения за вынужденный отказ.

* * *

Со старшим по возрасту надлежало говорить, не глядя в глаза, обращая взор на собеседника лишь изредка. У северных кумыков для подобных случаев сложилась своя манера держаться: младший слушал старшего, чуть склонив голову и слегка развернув ее влево.

* * *

Старшего окликать не полагалось, для осуществления акта коммуникации следовало подойти к нему, попасть в поле его зрения и потом уже спросить, готов ли он выслушать, когда и где ему было бы удобно это сделать. Окончание общения зависело от старшего: младший ждал, когда ему разрешат отойти или когда старший по возрасту отойдет сам.

* * *

В присутствии людей старше среднего возраста любимые темы, касающиеся отношений полов, считались запретными. Исключались из речи вульгарные слова, сочетания и обороты. Подростки, юноши, тем более дети, при старших не смели громко разговаривать и смеяться. Жесты и мимика их сводились к минимуму, считалось недопустимым сидеть вразвалку, в позе «нога на ногу», стоять, подбоченясь, заложив руки за спину, скрестив их на груди; ковыряться в носу, копать палочкой в зубах, почесываться, зевать, сморкаться, плевать.

* * *

Брань, высказывание оскорблений в адрес жены и рукоприкладство общественным мнением резко осуждалось. Ярлык «бьющий жену», «наносающий жене побои» (авар. «чIужу бухулев», лак. «щарссататту») для мужчины считался унижительным, наносил ущерб его достоинству.

* * *

Адатные установления и общественные требования морально-этического плана переплетались, дополняя и уточняя друг друга, и их причинно-следственные соотношения не всегда можно установить.

Например, бревна, выловленные из реки в период половодья, лесной повал и хворост, строительный камень, добытый из карьера или собранный у реки, складывались отдельными штабелями, кучами. В таком состоянии все это могло пролежать долгие месяцы, пока хозяин не найдет время для доставки собранного домой. Вплоть до предвоенных лет у жителей сел. Аркас, Буглен, Дженгутай, Казанище, Манасаул, Кафыркумук, Халимбекаул, Эрпели, расположенных на путях, связывающих предгорья с горами и высокогорьем, имелись специальные места. Туда население выносило молоко и молочные продукты, фрукты, овощи и оставляло там безо всякого присмотра. Прохожие и проезжие, зная места расположения этих «безлюдных базаров» и имея ориентацию в местных ценах, брали здесь необходимое и оставляли соответствующую сумму денег.

* * *

Весьма характерен с этой точки зрения перечень «вещей, считавшихся среди дагестанского простонародья в прошлое время признаком счастья», составленный Гасаном Алкадари: «Верховой жеребец породы светло-серых лошадей казахского магала или светло-гнедых лошадей Карабаха; пистолет или ружье, изготовления, получившего в свое время в Крыму известность, или же медьярское оружие, изделия некоего Сарали, тамошнего же; хороший кинжал, изготовленный в селении Казанище и выделанный мастером по имени либо Базалай-Али, либо Абдул-Азиз; хорасанская сабля или острая сабля выделки Исфаганского Уста-Асада, либо египетского изготовления». Список этот дан, правда, в отношении «рядового кубачинца», но с незначительными вариациями вполне подошел бы к любому узденю Дагестана.

* * *

Женщина всю свою жизнь находилась под защитой и покровительством отцовского дома, отцовской родни, тухума, всегда готовых выступить на ее защиту в случае чрезмерных притеснений в ее новой семье. Не оставалась в стороне в подобных случаях и материнская родня. Значительная часть внутритухумных, межтухумных и межджамаатских конфликтов, столкновений и других серьезных неурядиц происходила из-за обиды, нанесенной женщине.

* * *

В межтухумных, межобщинных столкновениях, когда кварталы или селения целиком находились на «военном положении», женщины свободно передвигались и по селению, и выходили за пределы его, будучи абсолютно уверенными, что вражда их непосредственно не коснется.

Полевой материал изобилует сведениями, что, объединив усилия, женщины примиряли враждующие тухумы или джамааты. Так было снято напряжение между годоберинскими тухумами МичИбе и Пашабе, бежтинскими тухумами Гамолал и Анжолал, между тухумами Букьали в сел. Эреси и Юсупали в сел. Къарах у багулалов

и др.; вмешательство женщин предотвратило кровавое столкновение каратинцев и ахвахцев, гидатлинцев и бежтинцев, бежтинцев и тлядальцев и др.

* * *

Примерно до начала – середины XIX в. в горах Дагестана удерживался обычай, согласно которому группа мужчин стоя приветствовала проходящую мимо уважаемую пожилую женщину, а также недавно овдовевшую или потерявшую близкого человека чью-то жену, мать, сестру, близкую родственницу преследуемого или находящегося в изгнании кровника.

* * *

У тиндинцев считалось недопустимым участие мужчины в увеселительных собраниях, если у него серьезно больна жена. Даже зайти к другу, соседу, посидеть на годекане он мог лишь ненадолго.

* * *

Согласно принятым в обществе нормам, двое или более негромко беседующих мужчин должны были повесить голос, если мимо проходила молодая женщина или девушка. Чтобы она могла убедиться – говорят не о ней.

* * *

Выяснение отношений, ссоры, брань в присутствии женщин приравнивались к бесхарактерности, малодушию. Совершенно не допускалось употребление бранных слов и выражений, скабрзностей, двусмысленных шуток и намеков, если женщина, группа женщин могла все это слышать.

* * *

Критические высказывания в адрес девушки или женщины допускались в группе мужчин лишь в том случае, если здесь же присутствовал отец, дядя, муж, брат этой женщины.

* * *

У народов Южного Дагестана считалось, что мужчине долго идти по дороге в непосредственной близости от впереди идущей женщины неприлично. По местным этическим нормам следовало подождать, пока женщина отойдет на значительное расстояние и только потом продолжить свой путь, либо со словами извинения («Извини, я очень тороплюсь») перегнать женщину, обойдя ее с левой стороны.

* * *

Мужчина, опорочивший себя в глазах общества недостойным поступком (воровством, проявлением малодушия, жадности и проч.), у гунзибцев подвергался бойкоту со стороны женщин и, прежде всего, со стороны близких родственников. Пока административное (старейшина, староста)

больше пространства. Тем самым он избавлял ее от соответствующих манипуляций: по этическим нормам она должна была пройти как можно дальше от встречного мужчины.

* * *

У южных (кайтагских) кумыков мужчина при разговоре с молодой женщиной или девушкой должен был смотреть в сторону и вниз, чтобы не создалось мнение, что он разглядывает собеседницу.

* * *

Приближаясь к группе работающих или отдыхающих женщин, мужчина должен был обойти их стороной. Если это было невозможно, пеший мужчина, приблизившись к группе и поприветствовав ее, просил простить его за причиняемое беспокойство и спрашивал разрешения пройти мимо. Всаднику в подобной ситуации достаточно было спешиться, коротко поприветствовать женщин, пройти мимо собравшихся и сесть на коня, уже миновав группу.

* * *

или духовное (дибир, мулла) лицо публично не снимало с провинившегося его вину, женщины вели себя так, будто человека и вовсе не существует.

* * *

О чем-то спросить, в чем-то проинформировать группу женщин мужчине разрешалось лишь в том случае, если в группе находились его мать, жена, сестра; при этом мужчина обращался только к «своей» женщине.

* * *

У северных кумыков мужчина, заметив идущую навстречу молодую женщину или девушку, не состоящую с ним в родстве, заворачивал в первый попавшийся переулок, либо строил свой маршрут таким образом, чтобы между ними оставалось как можно

Приблизившийся к двум и более беседующим женщинам, мужчина должен был подождать, пока на него обратят внимание и спросят, что ему нужно. Только после этого мужчина обращался с вопросом, предложением, просьбой к отдельной женщине или ко всей группе: перебивать их беседу считалось неприличным.

* * *

В случаях, когда отец по отношению к сыну или дочери допускал несправедливость, ошибочно выговаривал, заблуждался в отношении намерений или действий своих детей, отстаивать правоту и свою невиновность последним предписывалось спокойно, мягко, ненавязчиво. Полагалось дать остыть отцовскому гневу, выждать, когда он успокоится и только после этого объяснить с ним. Делать это надо было, оставшись

с ним наедине. О присутствии в подобной ситуации постороннего, не являющегося членом семьи, и речи не могло быть.

* * *

Сын или дочь, в обход традиции, в отсутствие отца могли себе позволить оспорить исходящие от матери распоряжения, решения, открыто выразить свое недовольство, настаивать на своей правоте, невиновности и т. д. Однако даже в этих случаях, как правило, за матерью оставалось последнее слово.

* * *

Отойти ко сну, когда мужа нет дома, для жены считалось недопустимым: полагалось за какими-то домашними хлопотами, рукодельем и проч. дождаться его возвращения. Весьма характерна в этом отношении притча, записанная нами в 1986 г. в с. Кидеро (цезы) у 70-летней Саитбековой Написат.

Собираясь накормить ужином запоздавшего на годекане мужа, жена нечаянно сломала деревянную ложку.

«Не расстраивайся», – сказал муж и, повозившись в своем углу, достал оттуда перед изумленной женой деревянный черпак, дуршлаг и десяток ложек.

«Откуда это?» – спросила жена.

«Вот ты меня часто упрекаешь, что я каждый вечер допоздна засиживаюсь в компании мужчин. Как видишь, пока ты дома бездельничала, я там кое-что делал».

Ничего не ответив на слова мужа, жена вынесла из другой комнаты огромный мешок и молча вывалила перед ним груды великолепно орнаментированных шерстяных носков.

«Откуда это?» – пришла очередь изумляться мужу.

«А это результат моего безделья, пока ты засиживаешься в мужской компании», – последовал ответ.

* * *

Разговоры о муже и тем более о жене по существующим этическим нормам сводились к минимуму. Несколько менее жестко, но те же этические рамки соблюдались мужчиной в отношении дочери, сестры, любой родственницы. Хвалебные речи в адрес

супруга или супруги считались неуместными: если в первом случае это расценивалось как нарушение элементарных поведенческих норм, то во втором рассматривалось как верх неприличия.

* * *

Говорить хвалебное о супруге женщина могла только в плаче по поводу его смерти. Отсюда и лакское проклятие: «Да услышим мы твои восхваления в адрес мужа!» Похвалу в адрес мужа, сына, отца, брата женщина воспринимала сдержанно, не проявляя видимого удовольствия, переводя разговор на шуточный тон. Реакция мужчины в подобных ситуациях была острее: он высказывал крайнее смущение, уверял собеседников, что они переоценивают качества упоминаемого, просил переменить тему разговора или покинул своих собеседников. Исключение делалось в отношении людей умерших, но и здесь ближайший родственник только молча слушал, участия в разговоре не принимал.

* * *

Отношение детей, малолетних и взрослых к дедам и бабкам было более открытым, сердечным, гораздо менее сдержанным, чем к родителям. Выказывая по отношению к ним уважение и глубокое почтение, внуки в то же время были с ними откровенно ласковыми и в ответ получали такую же ласку. Дед, держащий на коленях внука, внучку, утешающий, успокаивающий, развлекающий их, – обычное явление для горцев Дагестана. Этические нормы поведения у кумыков и в этом отношении были несколько жестче. Очень часто деды и бабки были поверенными в каких-то личностных, «секретных» устремлениях и чувствах своих внуков и выступали в качестве посредников – защитников их интересов перед родителями.

* * *

Особое положение занимал дядя по матери. У некоторых народов Западного Дагестана (тиндинцы, багулалы, чамалалы, хваршины) имя для новорожденного (правда, согласовав этот вопрос с его отцом) выбирал брат матери.

У северных кумыков родители новорожденной, желающие назвать ее Кистаман («къыз таман» – «хватит девочек»); имя чаще всего давалось в тех случаях, когда у супругов рождались одна девочка за другой), брали на это символическое разрешение у старшего брата супруги. Так же обстояло дело у самурских лезгин в отношении имени Бесханум (в том же значении).

По обычаям гидатлинцев оружие, а по возможности и коня, в год совершеннолетия племянника дарил ему дядя по матери. По обычаям жителей отдельных лакских селений (Варай,

Дучи, Иниша, Курла), а также населения Сюргинского участка, он же возглавлял процессию сватов со стороны своего племянника. В лакском селе Балхар сохранились речевые обороты, в которых неумение, нерасторопность, невоспитанность и прочие недостатки молодого человека ставились в вину дяде по матери. Обвиняя его в неловкости, в незнании и неумении, балхарцы говорили: «Проклятье твоему дяде по матери, ты топор в руках держать не умеешь! (плохо сидишь верхом, не проявляешь сообразительности, проявляешь невоспитанность и др.)»

Рот. Никтоас Бен. Девиз. Умдаса.

Салтинское ущелье в Дагестане.

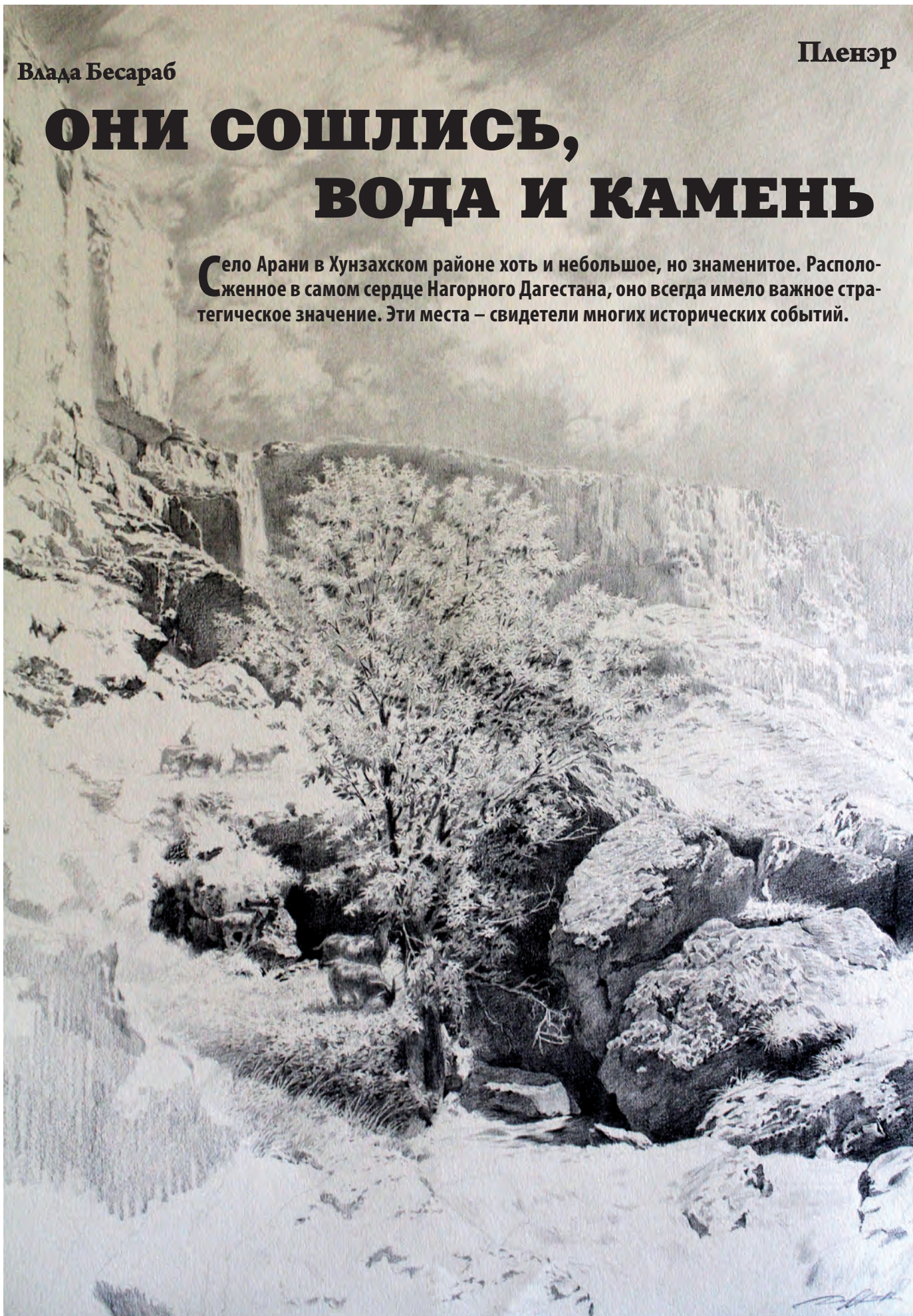
Редакция благодарит Зарему Дадаеву за представленные в материале редкие фотографии из собрания Музея истории города Махачкалы

Влада Бесараб

Пленэр

ОНИ СОШЛИСЬ, ВОДА И КАМЕНЬ

Село Арани в Хунзахском районе хоть и небольшое, но знаменитое. Расположенное в самом сердце Нагорного Дагестана, оно всегда имело важное стратегическое значение. Эти места – свидетели многих исторических событий.

В разгар Кавказской войны здесь по приказу имама Гамзат-бека были убиты сыновья аварской ханши Баху-бике, не желавшей присоединиться к газавату. А когда война закончилась, в Арани по передовым технологиям того времени была построена военная крепость, и сам царь Александр II останавливался в ней во время приезда в Дагестан. Сюда было сослано несколько матросов с легендарного крейсера «Очаков», которые под руководством лейтенанта Шмидта участвовали в Севастопольском восстании 1905 г. Не последнюю роль сыграла старая крепость и в сражениях гражданской войны. А после прочные стены крепостных зданий и сооружений приспособили для

мирных нужд: в них в разные годы размещались межрайонные больницы и тюрьма, школа-интернат для горянок, клуб, почта, музей, жилые квартиры.

Крепость стоит на кромке плато, с отвесного края которого низвергается водопад Тобот. Аранинцы помнят немало историй, когда в него бросались не только красавицы от неразделенной любви, но и военнослужащие, не выдержавшие тягот гарнизонной жизни. Кстати, именно в Арани заканчивал школу Расул Гамзатов, здесь же он учился и в аварском педагогическом училище, располагавшемся в крепости. Студенты отделений живописи, графики

и скульптуры художественно-графического факультета ДГПУ, приехавшие в Арани на пленэрную практику летом прошлого года, сразу окунулись и в водопад, и в историю. Молодой график, недавний выпускник ХГФ Магомед Даудов воспользовался возможностью поработать в одном из красивейших уголков Дагестана и приехал вместе с ними.

Магомед родом из села Гапшима. «Мой школьный учитель рисования Магомед Сулайбанович Кабукуев писал пейзажи,

Day 1

заны к месту, но в них отсутствует время как категория, отсылающая к определенной дате. Зато есть время природное, календарное. Уже несколько лет художник работает над большой графической серией «Земледельческий календарь горца», и каждая поездка в горы дает ему новый материал. У нас будет возможность обратиться к его зимним видам Кубачи и празднику первой борозды в Гапшима, а в этот раз мы остановились на летних пейзажах Хунзахского района: Арани, Буцра, Цада и, конечно, водопад

восстанавливал по старым фотографиям утраченные виды села», – рассказывает Даудов. Сегодня Магомед много ездит по Дагестану, фотографирует и зарисовывает «неиспорченные цивилизацией» ландшафты, а также все, что еще сохранилось от традиционной горской архитектуры и быта. Его работы всегда привя-

Тобот, к которому Магомед спускался с группой самых выносливых студентов.

...У подножья водопада мелкая водяная пыль рассеивается над обширной территорией, поэтому здесь пышная растительность, трава всегда сочная и скот из окрестных сел с удовольствием пасется именно тут. Орлы с окрестных скал, впрочем, тоже не дремлют. У водопада Даудов сделал серию набросков, которые легли в основу большого (70 x 50 см) графического листа с панорамным видом на Тобот, выполненного карандашом. Магомед отлично владеет графическими материалами и умеет добиться выразительности. Так, при изображении облаков над водопадом он не применяет растушевку, вся их пушистая легкость создана с помощью разнообразной штриховки в 5–7 слоев.

Карандашом же он передает зной и солнечный свет, безжалостно заливающий все предметы во внутреннем дворе историко-краеведческого музея в Хунзахе. Деревья отбрасывают резкие тени на выщербленные временем каменные стены ханского дома, в котором расположен музей. Жарко и на крытой террасе. И только в галерее за круглыми арками полуподвального этажа царит прохлада. Сейчас здесь разложены экспонаты: молотильные

доски, жернова, плетеные корзины, колеса от арбы и другие предметы быта и орудия труда, о назначении которых зачастую не догадываются уже не только городские туристы, но и сами сельчане. Но можно себе представить, какая бурная жизнь кипела в этом дворе полторы сотни лет назад, как ржали породистые кони, блеяли ягнята, деловито переговаривались многочисленные работники одного из самых родовитых аварских семейств.

На обратном пути из Хунзаха в Арани живое воображение молодых художников еще рисовало картины прошлого, когда на дороге вдруг возник всадник в папахе, черкеске и бурке. Ребята застыли в изумлении, впрочем, и наездник тоже был удивлен встречей, поэтому спешился и подошел знако-

миться. Выяснилось, что уважаемый Абдулла – известный в районе человек: любитель старины, знаток истории родного края и неперемный участник всех спортивных и культурных праздников. Педагоги, сопровождавшие студентов, просили его по возможности попозировать, на что он согласился, как всем показалось, лишь из вежливости. Какова же была радость художественной братии, когда на следующий день горец появился в Аранинской школе во всем своем великолепии. К сожалению, из-за дождя писать аксакала на улице не представлялось возможным, да к тому же у него было лишь около часа свободного времени, поэтому удалось сделать только быстрые зарисовки.

ГАЛЕРИСТ И БОЖЬИ КОРОВКИ

Куда пойти решали долго. Можно было в музей, что под памятником русской интеллигенции, в директорский кабинет Заремы, но там перебивало полгорода – их не удивить. А вот дома у нее полгорода не бывало, а была разве что треть, потому решили, что лучше туда. Одна загвоздка – дома нет «кабинета». Ни отдельной комнаты (где должен бы стоять стол, на столе – комп, у стен – стеллажи с толстыми книгами по искусству, разной научной книжной мелочью, и чтоб еще оставалось пространство для пары неброских, но очень крутых офортов; или, наоборот, для холста с шокирующе китчевой красной загогулиной на зеленом поле), ни даже специально обустроенного закутка с «особой атмосфЭрой», куда не подпускаются домашние.

**Зарема Дадаева,
куратор, директор музея
истории города Махачкала**

Дома у Заремы все открыто, просторно, распахнуто. Книги – на икеевских полках, серебряные детские обереги, которым лет по полтора, просто так лежат на стеклянной плоскости, кокетничая со своим отражением. Раньше у окна гостиной стоял мольберт – в какой-то момент Зарема, буд-то устав от кураторства, начала писать сама. Сейчас его нет. Зато появилось нечто новое. Рядом с балхарским кувшином разлегся тряпичный зверь, у камина – кубики, у стены – мячик и прочая разноцветная ерундистика, что заводится в доме, когда в нем поселяется новый маленький человек.

И вот тут, в гостиной, а еще рядом на кухне и образуется Заремина зона «мастерской». Только она не территориальная, а временная.

«Работа начинается ночью, когда распахиваю по кроватям мужей, детей, – смеется сама Зарема. – Но это ничего, самые удачные проекты придумывались у меня именно в это время, между двумя и шестью часами... Как правильнее сказать: «ночи» или уже «утра»? Я вообще сова, мне не тяжело. А тут еще такое... даже не знаю, как сказать, чтоб не обиделись мои. Но для меня очень важная вещь – одиночество. Чтоб я полноценно, во всю силу

работала или даже отдыхала, мне нужно быть одной. Даже без любимых. Даже без друзей...»

На последнем слове друзья, то есть мы с Дагановым, занервничали. Нам стало неловко. Совестно. И еще была проблема, как показать галериста или куратора за работой? С художником или скульптором – понятно. Один – весь в краске. Второй – в глине. Если композитор – перед ним лист, исписанный нотами-закорючками. Перед ученым тоже лист, только закорючки другие. А куратор?

«... Ночью работать еще потому лучше, что тебя никто не видит. Как ты сидишь, уставившись в одну точку. Час можешь просидеть. Два. Голова при этом бешено работает. И ты думаешь: «Наверное, сейчас от меня гудение исходит, как от трансформаторной будки». И никогда нет уверенности в результате. Можешь десять лет вынашивать проект и половина тех, кто к нему причастен, умрут за это время. А можешь легко и в кайф за три дня все сделать. На самом деле я работаю почти все время, мысль может выскочить и попереть в любую секунду, в самой неожиданной обстановке. Я могу зависнуть в разгаре интереснейшей беседы от внезапного озарения и решения и воскликнуть: «Йес! Да!» Так дети делают. Между прочим, даже сейчас, говоря с тобой, я думаю о режиссуре экспозиции новой выставки «Дагестан. Портрет Нации», которая скоро откроется в музее. А вообще, «делание проекта» выставочного, издательского – это много-много разной работы и действий, перечислять долго и неинтересно. Пусть остается тайной или темой для следующего интервью».

«... У нас не очень верят в то, что сделано легко и в кайф. Все выдающееся должно даваться потом и кровью, успех должен быть «выстрадан», работа «тяжелой», за счастье положено «бороться», а желанного «добиваться». Ерунда какая. Гляди, какой ковер. Такой ткали в доме, где девушка-не-

веста. Когда заканчивали – клали на неделю во двор, под звезды. И ковер должен был приманить возлюбленного – отсюда и верблюды, на них везет жених подарки. И ведут их караванчики, они по краю, похожи на обезьянок. Я его так и называю – ковер Любви!

И он сам пришел ко мне в руки. Мы с Эм, с Эмилом на мой день рождения в Баку ездили. Страшно люблю Старый город, как только попадаю туда, сразу пружу к лавочкам и хожу из одной в другую. И вот у меня, значит, завтра встреча важная с директором музея ковра Азербайджана госпожой Тагиевой, а сегодня я хожу по магазинчикам и смотрю старинные ковры в надежде найти «свой».

Они лежат один на другом, и ты один за уголок приподнимаешь, потом еще, еще – нет, не то. Захожу в очередной магазинчик, а там продавец невероятной красоты. Я осмотреться не успела, а он говорит: я знаю, что вам понравится, ханум. Ушел и вернулся с этим ковром. Я влюбилась в этот килим сразу же! Но я же понимаю, что он стоит очень дорого. Что-то мы говорили там, уже не помню, пили чай из всамделишных армудов (в Баку так принято – сразу гостю чай предлагать); он готов был уступить, но это

мало что меняло. И тут я обмолвилась про день рождения. Паспорт достаю и показываю, вот же, вот число! Правда, год пальцем прикрыла. Какие-то смешные нелепые цифры, разве они про меня? Юноша смотрит, улыбаясь, говорит: «Вы очень красивая, ханум. – Затем вздыхает и спрашивает: – Сколько у вас в кошельке?» Так я нашла свой ковер. Или он меня. И когда в работе у меня затык, я сижу и просто пляшусь на верблюдов».

«... Вот мое кресло. Когда все засыпают, тут устраиваюсь, приношу книги, раскладываю их, и начинаю. А напротив, на книжной полке, мои талисманы, обереги. Фото родителей, молодые совсем, смотрят на меня, подбадривают. А вот еще оберег, открытка. Саму работу (автор, кстати, Андрей Макаревич) я в галерее на Крымском валу увидела лет двадцать назад. И пропала. Так случается, западает что-то в сердце и начинает в нем быть. Будто место уже было подготовлено. Так и тут, увидела работу и, ах! – это же я! Я настоящая! Но стоила «Инфанта египетская» 800 долларов.

Купить я ее не могла. Отказаться тоже. Каждый раз, бывая в Москве, шла к ней. И вот через 5 лет я приезжаю, и у меня есть деньги! Бегу к своей «Инфанте», и мне

говорят: «А ее купили. Ёдзи Ямамото купил». Это дизайнер знаменитый, классный чувак. Приятно было, что моя «Инфанта» в его коллекции, но все равно осталась легкая грустинка.

И я купила открытку с тем же рисунком – легкий профиль, челка. Это моя аватарка на ФБ. Точнее, купила две открытки. На второй – тоже женское лицо, но нервное, злое. И эту вторую открытку я не выбросила, хотя она мне очень неприятна. Но никогда не открываю, прячу за Инфантой».

Мы разглядываем обе и решаем – вторую фотографировать не станем. Что-то с ней и правда, не так – опасная она, тревожащая. Будто не отсюда, не из этого легкого дома, где ко всему хочется прикасаться, и сами предметы подкатывают под руку, как ласковые щенки.

«... Однажды среди лета я вдруг захотела волшебный шар. Чтобы потрясти и смотреть, как внутри летает и падает снег. Стала искать на разных сайтах. Но все было не такое – лажа полная,

и еще где-нибудь золото наляпают. Пожаловалась на это в фейсбуке. Друзья в комментариях меня утешали, и я утешилась.

Прошло время, и утром 4 января, в мой день рождения, заходит в комнату Эм и протягивает мне коробку. Я открыла и тут же превратилась в маленькую девочку. Шар. Никакого золота! Никаких замков, Санта-Клаусов, зайчиков и снеговиков! Внутри цветущая сакура, а на подставке хокку моего любимого Басе – «Конец весны задерживается в сакуре». И метель – не снежная, а из лепестков опавших. И сразу у меня уже не зима, а весна. Но главное, как красиво мой Азизов это проделал. Увидел мой пост, и молчал, не заикнулся даже, что читал, чтобы через полгода подарить то, о чем я мечтала с детства».

Замечает ли Зарема, что, о чем бы ни говорила, все время говорит о любви? И все, что ее окружает – этой самой любовью оглажено; и предметы, даже самые драгоценные, они не только для глаз, но и для рук, для прикосновений. И даже скульптура работы Анатолия Ягудаева стоит низко – как не ставят дорогую и хрупкую вещь в приличных домах. Зато ее можно трогать. И рассматривать на женской ладони божью коровку. Он их любил и всюду рассаживал. Того, что любишь, должно быть много.

«... Мы же с дядь Тольком сдружились крепко перед его смертью. Как-то звоню, спрашиваю:

– Дядь Толь, как ты? Работаешь?

– Да нет, пальцы не слушаются. И не покупает никто ничего.

И я вдруг говорю:

– Я закажу тебе.

– Что?

– Сам реши. Ты же меня знаешь, вылепи мне мою.

Через месяца полтора звонит:

– Приходи, забирай.

Я зашла и обомлела. Спрашиваю: как называется?

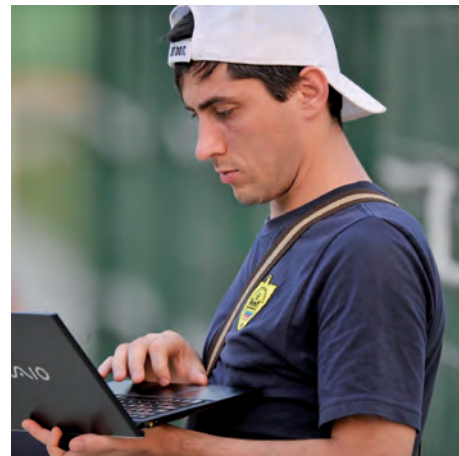
Он посмотрел, будто удивился, что я не знаю, и говорит:

– Колыбельная для мамы.

И в этом было все. Он мне все сказал. И что у меня наконец-то будет ребенок, и что все будет хорошо, чтоб я успокоилась. Мне кажется, по этой работе видно, сколько там любви – и его, и моей».

Текст: Светлана Анохина. Фото: Айдемир Даганов

Ислам Абакаров

ОСМАН КАДИЕВ:

«ЗВЕЗДА В «АНЖИ» – КОМАНДА»

У нового владельца «Анжи» забот хватает. Клуб, который он получил зимой, оказался под угрозой вылета из Российской футбольной премьер-лиги; чудом избежал этой незавидной участи и сейчас готовится к новому сезону на фоне множества проблем. Прежнего финансирования у «Анжи» нет, а требовательные дагестанские болельщики даже думать не хотят о борьбе за выживание. В эксклюзивном интервью нашему журналу президент «Анжи» Осман Кадиев рассказал, как планирует развивать клуб и футбол в Дагестане.

«КЕРИМОВ ХОТЕЛ СПАСТИ МАХАЧКАЛИНСКОЕ «ДИНАМО»

– Осман Гаирбекович, по какой все-таки причине Сулейман Керимов решил отказаться от «Анжи»? Что стало последней каплей в чаше его терпения?

– Я думаю, разочарование наступило в тот момент, когда он, вложив столько финансов и личного участия в клуб, не увидел ожидаемого результата.

– Так ведь в схожей ситуации он и не думал бросать «Анжи» сразу после вылета клуба из премьер-лиги в 2014 году.

– Какие-то детали, наверное, лучше у самого Керимова выяснить. Потому что я, когда здесь были другие топ-менеджеры, наблюдал за всем со стороны, не влезал в клубные дела.

– Вы говорили, что «Анжи» вам Керимов передавал с шутливым упреком: «Ты меня заразил футболом». Когда успели заразить?

– Да, так и было сказано: «В том, что я заразился футболом, Осман, ты виноват».

В 2007 году, когда махачкалинское «Динамо» лишали лицензии, отстраняли целый клуб от футбола, – это делала неизвестная и очень негативная личность в российском футболе, а именно Николай Толстых, – Сулейман вмешался и хотел помочь. Он предложил: «Осман, давай я все сделаю. Помогу и финансово – с этим проблем не будет». Ему нагло соврали, что я даже не подал апелляцию на решение оставить «Динамо» без лицензии. На повестке бюро исполкома Российского футбольного союза стоял один вопрос – о махачкалинском «Динамо».

Мы, представители клуба, не были допущены на заседание в кабинет Мутко. Оно длилось 3–4 часа, после чего нам объявили, что решение о лишении лицензии остается без изменений. А Сулейману сказали: мол, Осман не подал апелляцию. Он тогда позвонил мне и спросил: «Ты что, апелляцию не подал?!» – «Да нет, вы что?! – говорю. – А что они тогда рассматривали несколько часов?».

В те времена в Дагестане все футболом болели. Неудивительно, что и Сулеймана он захватил. Две команды из Махачкалы играли в первой лиге, шли на первом-втором местах; потом, правда, «Анжи» чуть отстал. Мне тогда посторонние женщины звонили, спрашивали: «Что такое дерби? Можно ли взять билет?» На этих дерби «Анжи» с «Динамо» мест свободных не бывало, люди в проходах сидели: женщины, дети, старики – всем это было интересно. Тогда у нас был футбольный бум.

– На состоявшейся зимой в Турции встрече команды со своим бывшим нападающим знаменитым Самюэлем Это'О генеральный директор клуба Саид Абдуллаев сказал, что Керимов остается главным спонсором «Анжи». Остается ли и сейчас – после завершившегося тяжелого сезона?

– Это абсолютно верно, Керимов – основной спонсор. Он интересуется делами клуба и здорово помогает финансами. Мы не так часто видимся, но он принимает ак-

тивное участие в жизни клуба – такое участие, какое не может принимать сторонний человек.

– Вопрос о бюджете клуба на предстоящий сезон остается очень острым, учитывая, что у «Анжи» нет другого явного спонсора, кроме Керимова, а он выделяет, насколько известно, меньше, чем необходимо статусному клубу премьер-лиги. Все ли благополучно с бюджетом «Анжи» на предстоящий сезон?

– Всегда все благополучно бывает разве что в раю. Мы справимся. О клубе надо судить по тому, есть ли поступательное движение, а не по тому, имеются ли у него деньги. В том, у кого больше денег, пусть соревнуются банки. А футбольные клубы – кто лучше выступит, кому удастся удачнее подобрать состав, у кого лучше тренер, у кого вернее идеи. Я думаю, болельщикам надо интересоваться именно этим – результатами! При тех затратах, которые были сделаны в сезоне 2015–2016, команда играла в переходных матчах за право остаться в премьер-лиге... Нам удалось избежать вылета, хотя зимой нас все безоговорочно списали в первую лигу. Удалось сохранить костяк команды, при этом многих меняем, в частности, всех, кто не выходил на поле. Кого-то отправляем в аренду, с кем-то прощаемся, кто-то заканчивает с футболом. И мы думаем, что идем вперед.

«ПОЙМИТЕ ГРИГОРЯНА»

– Вы ведь довольно давно в футболе и неплохо в нем разбираетесь, во всяком случае, наверняка лучше, чем Керимов. Часто ли у вас возникают разногласия по чисто футбольным вопросам с нынешним главным тренером «Анжи» Александром Григоряном?

– Достаточно часто. Начнем с того, что я не дилетант в футболе. Керимов, кстати,

тоже хорошо разбирается в нем. Но ему, скорее всего, было не до футбола – он же в огромном бизнесе. Если б он уделял такое внимание футболу, какое уделяю я, ни на что другое у него не хватило бы времени: ни на бизнес, ни на сенаторскую деятельность.

У меня со всеми тренерами возникают трения. Они неизбежны, они должны быть, эти разногласия. Для того чтобы президент клуба был полностью доволен тренером, команда должна постоянно выигрывать Лигу чемпионов.

– После заключительной домашней игры прошлого сезона Григорян на пресс-конференции намекнул на то, что у него был непростой разговор с вами, и что возможна отставка. Вы сами рассматривали вопрос об увольнении этого специалиста?

– Нет, конечно. Многие обращают внимание на то, что говорит Григорян. Но он же не журналист, не философ, не филолог. Он – тренер, и имеет право на эмоции. Я имею право на эмоции, игроки имеют право. Без этого футбол немислим. И каждый имеет право на ошибки. Даже судьи, мои заклятые друзья. Футбол без ошибок был бы скучен – все матчи заканчивались бы 0:0.

Григорян, конечно, может вспылить. Я призываю болельщиков и журналистов стараться понимать его. Человек только начал работать на уровне премьер-лиги. Эмоции перехлестывают, особенно когда слышишь реплики: «Ты вылетишь», «Вы – позорники» и так далее. При этом минувшей весной я не видел ни одной плохой игры «Анжи», за исключением двух-трех матчей. Самый плохой – это матч с ЦСКА, после которого Григорян крепко выругался, обозначая то, как команда выглядела в тот день. Но он использовал этот нехороший глагол в связке со словом «мы». Он не вывел себя из-под ответственности, не сказал «они», «команда». Может, второе слово могло быть и помягче. Но я обращаю внимание не на то, как он говорит, а на то, как работает. Говорить красиво и правильно должны журналисты, литераторы, ораторы. Григорян же всего лишь тренер. При этом он называет вещи своими именами. Я в этом ничего плохого не вижу. Естественно, зачастую он вынужден выступать с комментариями под влиянием стресса, эмоций. Пусть каждый поставит себя на его место и представит: «А что бы я сказал?» Что он должен был сказать после игры с ЦСКА? «Мы старались, мы не смогли»? Он ожидал хорошей игры. Мы все ожидали. Настрой был сумасшедший. И вдруг мы явно проваливаем матч по всем параметрам. Правильно он выразился в той ситуации, я его поддерживаю. Но то слово, которое он использовал, применимо в этой ситуации ко всем до единого – в первую очередь, к самому Григоряну, потом к команде и к клубу.

«НЕ СТРАДАЮ ИЗ-ЗА НАПРЯЖЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С США»

– В свое время, еще при вас, махачкалинское «Динамо» в первую лигу впервые в истории клуба вывел Леонид Назаренко. Вы его кандидатуру не рассматривали на роль главного тренера «Анжи»?

– Он был одним из первых, кого я хотел пригласить. Но Назаренко в тот момент помимо прочего был на костылях – как раз перенес операцию на ноге. И к большой работе, которая предстояла в «Анжи»,

именно в то время был не готов. Я его все-речь рассматривал. Он умеет собирать, делать команду. Но сегодня главный тренер «Анжи» – Григорян.

– Как думаете, почему у Назаренко не получилось с «Тереком» и «Кубанью»?

– У него не получилось не по футбольным причинам. С «Тереком» он шел седьмым-восьмым, имея игру в запасе. Что случилось? Может, не сошлись характерами с министром спорта, может, по иным причинам. Но в том, что он хороший, добросовестный специалист, я не сомневаюсь.

– Не жалеете, что уволили его из махачкалинского «Динамо»?

– Первое увольнение – о нем очень жалею. Я сам тогда был неопытный менеджер. А мы все время выигрывали! Ничья на нашем домашнем стадионе была редким случаем. Но вот проиграли одному аутсайдеру, снова уступили, в третьем матче – ничья. Я подумал тогда: «Вот, наверное, начинается падение после взлета». Были те, кто советовал: «Осман, подожди». Но нашлись и другие, которые говорили: «Всё, надо менять тренера, он изжил себя». Следовало дать Назаренко шанс – одну или две игры. Это моя ошибка, что уволил.

– «Новая газета» писала в свое время в материале о российском втором дивизионе, что единственный клуб, которому для повышения в классе в тот

сезон–2003 не понадобились дополнительные, «околофутбольные» меры, было махачкалинское «Динамо», по игре оказавшееся вне конкуренции. Сильный комплимент, особенно от издания, которое не склонно к славословию. Как тогда получилось, что подобралась сумасшедшая команда? Или так совпало, что как раз выросло поколение дагестанских игроков, заигравших и в премьер-лиге, и в первом дивизионе?

– У нас же не сразу все получилось. Я взял команду, когда она шла на последнем месте и чудом удержалась во второй лиге. Первое время мы базировались в Кисловодске, потому что стадион «Динамо» был не готов. За месяц на сборах просмотрели 63 футболистов. Из них оставили 13 игроков и поехали на первый матч в Астрахань. Сказал: «Пройграете – ничего страшного». Приехали – выиграли. Потихоньку, за год, мы собрали очень боеспособную команду. В тот сезон «Динамо», будучи клубом второй лиги, играло в Кубке России с чемпионом страны московским «Локомотивом», который тогда был на страшном ходу и успешно выступал в Лиге чемпионов. В основное время была ничья, а в дополнительное мы пропустили в результате неудачной срезки мяча. Через пять дней после этой игры «Локомотив» с «Реалом» в Мадриде сыграл 2:2 ...

Мы кропотливо шли к тому результату. Назаренко просто здорово работал. Мы тогда сделали суперкоманду. Ребята, выступавшие в ней, и сейчас в футболе – в том или ином качестве. Сейчас лучший бомбардир зоны «Юг» забивает 16 мячей за сезон. А у нас в «Динамо» сразу двое – Шамиль Лахиялов и Шамиль Асильдаров, за сезон больше 30 забили – на двоих 70 с лишним голов выходило. В чем был плюс того коллектива? У нас было шестеро дагестанцев в стартовом составе. Такого, наверное, ранее не было ни у одного клуба в России – чтобы шестеро местных воспитанников играли в основном составе.

Ничего сверхъестественного в том результате не было. Работать надо – буднично работать, посвятить себя футболу, если уж ты в футболе.

– У вас получается все свое время посвящать команде? Ведь наверняка есть свои дела, бизнес.

– Конечно, хотелось бы еще больше времени уделять. Но, по крайней мере, моя команда не страдает от отсутствия моего внимания. Я ничего не упускаю. Единственный «прокол» – это то, что за границу не могу с ними выехать на сборы. Но, может, в этом и плюс – даю отдохнуть от себя игрокам и тренерам.

– Вы никуда не можете отправиться без риска быть задержанным?

– У меня очень напряженные отношения с США. Весьма напряженные.

– **Это вам серьезно мешает в работе?**

– Я этим абсолютно не мучаюсь. У меня великолепные помощники, сильная рабочая группа, очень хорошие аналитики, тренерский штаб, селекционеры. Проверенные, доверенные. Я ими горжусь.

– **А шлейф слухов, связывающих вас с криминалом, с русской мафией в США, как-то мешает вам по жизни?**

– Мне плевать на эти слухи. Абсолютно. Я знаю, что чист перед друзьями, перед людьми, перед Всевышним. Если стану читать, что пишут, желая сделать себе на этом имя, – грош мне цена.

– **Вы привлекли к работе в «Анжи» многих бывших динамовцев – Асильдарова, Исмаилова, братьев Садировых, вернули Арсена Акаева, который возглавил «Анжи-2». А какие у вас отношения с Шамилем Лахияловым?**

– У него свои проекты, я не хочу в них влезать, как-то пытаюсь влиять. Рад, что он не отошел от футбола. Если ему что-то будет интересно у меня узнать, я или помогу, или посоветую. У нас нормальные отношения, мы общаемся. Вот, видите, его фото теперь уже в моем кабинете? Раньше его не было. Это один из лучших игроков в истории дагестанского футбола, я считаю. И один

из самых нереализовавшихся. Наверное, не по своей вине. Его игрой в махачкалинском «Динамо», в «Анжи», в грозненском «Тереке» я восхищался.

«СТРАСТНОГО ФУТБОЛА ОТ ЗВЕЗД «АНЖИ» НЕ ДОЖДАЛИСЬ»

– **С вашим приходом в «Анжи» вокруг клуба образовалась аура поддержки со стороны официальных лиц, в том числе главы Дагестана Рамазана Абдулатипова. Как вам удалось этого добиться? При Керимове такого не наблюдалось. И могут ли эти люди реально помочь клубу?**

– Конечно, могут: они же дагестанцы. Сегодня «Анжи» – это бренд Дагестана, кто бы что ни говорил. Я устаю об этом рассказывать: нас во всем мире знают по «Анжи». Спросите в Германии, знают ли они Дагестан. Никто не знает. «А-а, «Анжи»!» – понимают, о чем речь, услышав название дагестанского клуба. То же самое во Франции, в Африке, Южной Америке и так далее. Все сегодня ищут национальную идею, национальный бренд. А у Дагестана он есть. И глава республики отлично это понимает. Премьер-министр Абдусамад Гамидов также во многих вещах меня поддерживает.

Наверное, Керимову это не так важно было, как мне. Потому что пройдет еще несколько лет, и на матч «Анжи», думаю, будут спрашивать лишний билет. Это очень важно и для главы республики, который, наверное, много думает о том, куда идет Дагестан, и к чему он должен прийти. Сегодня на стадионе «Анжи», когда идет игра, все думают об одном – пусть на два часа, но все зрители, все дагестанцы думают об одном – как бы эта команда выиграла. Полицейские, чиновники, безработные, бизнесмены, женщины, дети, мусульмане, христиане, иудеи, атеисты, коммунисты – все объединены одной идеей. Где еще вы такое найдете? Выиграла команда – все рады, проиграла – все огорчены. Общая радость и общее горе сплавивают. Футбол – это социальное явление. Почему на Западе, в сытых, благополучных, «буржуйских» государствах это понимают? Попробуйте в Англии купить билет на матч. Не достанете просто так! Дай Аллах, чтобы и у нас вскоре было так.

Мне очень важна поддержка главы Дагестана. У нас с ним хорошие отношения. Я вижу, что очень много позитивного происходит. Конечно, есть ошибки, как и у всех. Без этого не бывает. Наверное, кто-то больше склонен смотреть на ошибки, но я больше смотрю на то, что делается.

– Возможно, у «Анжи», как у бренда Дагестана, появился серьезный конкурент в лице бойца Хабиба Нурмагомедова и смешанных единоборств. Вы как к ММА относитесь?

– Ни в коем случае не воспринимаю Хабиба и других бойцов как наших конкурентов. Они сами за «Анжи» болеют, любят футбол. С Нурмагомедовым у нас великолепные отношения. То же самое с нашим «Русским танком» – Абдурашидом Садулаевым. Они посещают матчи команды. Я ими очень горжусь. Какие конкуренты?! Я, наоборот, помощниками их своими считаю!

Вы имейте в виду одно: единоборства – это один уровень, футбол – совсем другой. Если на борцовский финал придет в лучшем случае 3–4 тысячи человек, то футбол – это явление... На то, что в последние годы мы

наблюдаем тенденцию снижения посещаемости домашних матчей «Анжи», есть абсолютно объективные причины. С приходом Роберто Карлоса, Самюэля Это'О болельщики «Анжи» ожидали увидеть в их исполнении страстный футбол. Но со временем увидели, что парни пару матчей сыграли... и валяют дурака. Им что за Дагестан играть, что за Турцию, что за Англию – абсолютно все равно... В нашем «Динамо» болельщики сначала не знали ни одного футболиста, они не были известными. Но их узнали потом, команда полные стадионы собирала. Возьмите того же Виллиана – суперигрок! Когда он пришел в «Анжи», я думал: «Наконец! Вот он зажжет!» Две игры – супер. Третья – так себе. К четвертой он понял, что здесь можно не надрываться. И опять апатия. Зрителя не обманешь – он придет на того, кто страстно бьется, до конца выкладывается, хочет показать все, что умеет.

– Так это беда всего российского футбола – что приезжают легионеры и через какое-то время начинают тускнеть как игроки.

– Легионеры должны быть, но – качественные.

– Так ведь Виллиан как раз качественный.

– Очень качественный! Но это ошибка менеджмента: они игроку «насыпали» столько денег, что играть уже и неинтересно. Один раз зритель придет на это шоу, второй раз – уже нет.

Я не считаю, что Роберто Карлосу, Это'О и другим звездам, которые здесь номер отбивали, нужно было такие сумасшедшие деньги платить. Здесь должна была быть одна звезда – команда. Да, для первоначальной раскрутки можно было пригласить звезду. Первый ход был правильным – заключить контракт с Роберто Карлосом. Дальше пошло уже непонятно что. Я прекрасно понимаю, кто рекомендовал Сулейману это сделать: негативную роль сыграл менеджмент клуба, целью которого было нажить денег. Так и наживайте, но по делу, по результату – вас Сулейман обязательно отметит, он щедрый человек, даже чересчур!

«НАВОРОТЫ» БУДУТ ПОТОМ»

– Идея с привлечением в «Анжи» в качестве председателя Совета директоров «Анжи» знаменитого советского вратаря Анзора Кавазашвили, кажется, не обернулась ничем хорошим. Этот известный человек и пришел в клуб странно, и ушел как будто с обидой.

– Он куда не ушел. Не обращайтесь внимания на многое из того, что говорится. Отставку Кавазашвили, как говорится, никто не принял. Естественно, ему хочется быть больше вовлеченным в дела клуба. Но пока что к ежедневной работе привлекать Анзора Амберковича проблематично – иногда он не может, иногда мне не до него.

Это очень позитивный человек. Я на его высказывания не обижаюсь. Тем более что он правдиво, правильно отражает то, как он видит ситуацию. Кавазашвили оста-

ется председателем Совета директоров «Анжи». Но дело в том, что этот Совет того участия, какое я вижу, в жизни клуба пока не принимает. А со временем – будет. Сейчас надо делать основное – собрать костяк команды. «Навороты», как говорит один мой товарищ, придут потом.

– Объявлено, что команда продолжит проводить домашние матчи на «Анжи Арене», хотя ранее анонсировался переезд на «Динамо» в Махачкалу. Что изменилось? Удалось договориться по цене аренды с руководством «Арены»?

– Пока по цене не договорились. Думаю, что найду понимание. Первую часть сезона мы точно проведем на «Анжи Арене», потому что «Динамо» не готово. Но в дальнейшем постараемся решить вопрос по этому стадиону в Махачкале с руководством физкультурно-спортивного общества, с руководством республики, с болельщиками.

«Анжи Арена» для нас очень дорогая, но при этом бытует мнение, что она «нефартовая», хотя я в это мало верю: фарт надо искать своими руками. Так или иначе, с начала следующего года мы, наверное, перейдем на «Динамо». Или мы должны найти финансовое решение с участием, может быть, даже республики, по аренде «Анжи Арены». Я понимаю позицию представителей «Арены» – они не могут содержать огромный комплекс. Но при этом они же зациклены на получении прибыли, а я не всегда могу дать ту цифру, которую они хотят.

– **Многих волновала судьба Академии «Анжи» после ухода из клуба Сулеймана Керимова. Она была одним из безусловно позитивных достижений в период так называемой новой истории «Анжи». Удастся ли ее сохранить, ведь она тоже требует немалых затрат?**

– Мы ее сохранили и сохраним. Более того, увеличиваем число филиалов по республике. Через Минэкономразвития Дагестана планируем выйти на целевые программы по развитию детско-юношеского футбола. Собираем информацию по 20 районам Дагестана о целесообразности открытия в них отделений клубной Академии. И надеемся

получить в этом поддержку республиканского Минэкономразвития. Как минимум в десяти населенных пунктах к сентябрю откроем еще несколько филиалов вдобавок к существующим четырем. На очереди – Хасавюрт, Кизляр, Кизилюрт, Избербаш, Новолакский и Унцукульский районы.

Академию мы будем развивать. Это единственное подразделение клуба, где я не срезал ни рубля из зарплат тренеров и работников, а их очень много – 37, с окладами в 45–50 тысяч рублей. Горемыки, которые советовали Керимову, в первую очередь, должны были порекомендовать сразу, в первый же год, открыть Академию и несколько ее филиалов. Сегодня, глядишь, уже пожинали бы плоды. У нас на паритетных началах с Татарстаном в предстоящем сезоне во второй лиге будет играть команда «Анжи-Юниор». Кроме того, мы реанимировали и заявляем для участия в этом же дивизионе «Анжи-2». У этих команд и их тренеров будет одна задача – представить минимум по два игрока на просмотр в главную команду по окончании каждого круга чемпионата. Таким образом, мы будем просматривать, если считать и ребят из молодежной команды «Анжи», по шесть молодых футболистов из системы клуба

каждые полгода. Если хотя бы один подходит, то в год мы получаем двух игроков в основу. Меня спрашивают про задачи клуба. Вот они – задачи. Естественно, нужно при этом удержаться в премьер-лиге и двигаться вперед, финишировать в первой восьмерке.

– Самые успешные дагестанские футболисты в российском футболе – Лахиялов, Асильдаров, Гаджибеков – являются воспитанниками ДЮСШ, известной как «школа Александра Маркарова». Эти ребята, по сути, росли как футболисты на асфальтовых площадках и состоялись, очевидно, не благодаря, а вопреки непростым условиям. В случае с Академией «Анжи» нет ли риска, что, попав в тепличные условия, ребята не будут расти так, как хотелось бы? Останутся ли они по-хорошему голодными до футбола?

– Когда росли перечисленные вами футболисты, другой школы, кроме маркаровской, и не было. Я согласен, есть риск, что кто-то, попав в Академию, захочет почивать на лаврах. Мы постараемся не доводить до этого. Спортсмен сам по себе должен оставаться чуточку голодным. Но в России это воспринимают так, будто ему надо недоплачивать. Это неправильно. Футболист должен сам хотеть большего.

И требовать, чтобы ребята играли и росли на асфальте, не получится. Они же видят, в каких условиях тренируются их сверстники в соседних республиках, в Москве. Если им при этом придется гонять мяч на асфальте и на них еще и смотреть никто не будет, – прогресса не случится. Я за то, чтобы они росли в любых условиях. Талант обнаружит себя и на асфальте, и на искусственном, и на натуральном газоне. Академия «Анжи», я считаю, на правильном пути. Что может быть благороднее, чем растить ребят?

«ХОТЕЛОСЬ БЫ ЧАЩЕ ВИДЕТЬ СЫНОВЕЙ»

– Вы ведь и сами прошли через систему спорт-интернатов?

– Да, после землетрясения 1970 года в Махачкале я был и в обычных интерна-

тах, и в спортивных. Сначала в Москве, потом в Рязанской области. Тогда время было спокойнее, и родители спокойнее реагировали на то, что дети в спорт-интернате живут. В Махачкалу я в итоге вновь приехал в 1983–1984 годах, мне было примерно 23 года. Это был чужой для меня город.

– Каким видом спорта занимались?

– В школе – тройными прыжками, потом переключился на классическую борьбу. По прыжкам выполнил норматив мастера спорта СССР; еще учась в восьмом классе, прыгал на 13,70. Потом получил перелом голеностопа и переключился на борьбу, был в олимпийском резерве.

– У вас есть дети. Много?

– Много. Мальчиков. (Смеется.)

– Двое? Трое?

– Больше. Четверо. Взрослые уже сыновья.

– Один из них – Адам, возглавляет международный отдел в «Анжи». Какие задачи ставите перед сыном как специалистом?

– Адам просматривает перспективных иностранных игроков, проводит встречи, когда необходимо, дает аналитику. Он сам долгое время занимался теннисом, потом увлекся футболом, был на неплохом счету в дубле московского «Динамо», ездил на просмотр в немецкий «Вольфсбург». Но потом у него проявилась аллергия на траву. Ходить, уговаривать кого-то, пусть хоть с повязкой у них играет, – я не стал. В футболе он разбирается очень хорошо, даже лучше чем я.

– А другие сыновья с футболом не связаны?

– Нет. Амир – доктор наук по искусствоведению, окончил Нью-Йоркскую академию киноискусства, часто занят на съемках. Сейчас в Лос-Анджелесе, но бывает и в России. Он – единственный россиянин. У Адама гражданство США, Шамиль и Умар – «немцы».

– Разное гражданство у членов семьи не создает трудностей?

– Реже видят отца, может, и рады этому. (Улыбается.) Мне это, конечно, мешает: хотелось бы их чаще видеть.

Борис Войцеховский

Три поезда до Кубачи

Кинематографичности ощутимо не хватает. Если бы в этом сценарии – существовал этот сценарий в принципе – кто-то прописывал бы в хронологическом порядке эпизоды, первым бы стал флэшбэк, этакий длинный обратный кадр – чуть размытый, пастельный, может быть, даже слегка в рапиде.

Впрочем, для начала стоило бы отметить место действия: дорога после поворота на Маджалис – сильно разбитая и еще более сильно запыленная (вот откуда эта пастельность и размытость!). Подпрыгивая на ухабах, по ней медленно тащится старенький «москвич» с неместными номерами.

На экране появляется надпись. Крупно: дорога на Кубачи. И мельче: 1965 год.

Камера, до этих пор держащая крупный план, стремительно наезжает на автомобиль, скользит сначала по вращающимся исцарапанным дискам на колесах, следом по белым бокам машины, после чего оказывается внутри салона. В салоне сидят двое. Он и Она. Мужчина и женщина средних лет.

Смена кадра ведет за собой перемену картинки. Он и Она, спотыкаясь, семят по узкой тропе мимо ярко-синих стен и каменных кладок, одновременно поворачивая голову при виде стоящей чуть поодаль группы женщин в расшитых золотом белоснежных платках. Женщины улыбаются...

Стоп!

Думаю, хватит флэшбэка. Непосвященным все равно ничего не понять, так что лучше объяснить попроще: в 1965-м художница Ольга Брендель, ставшая спустя много лет моей бабушкой, вместе с моим будущим дедом отправились на своем «москвиче» в Дагестан – на этюды.

Эти этюды и есть начало довольно странной истории с тремя неизвестными, приведенными, однако – то ли чьей-то волей, то ли по иронии судьбы – к общему знаменателю...

* * *

«От трех станций навстречу друг другу вышли три поезда. Скорость одного из них...» – бубня себе под нос, читает задачку из учебника по математике моя младшая дочка.

Иногда мне кажется, что я – один из этих поездов, и на моем пути чего только не случилось и что только не мелькало за окнами. Помню разное, но больше – запахи. Запах цветущего олеандра. Запах горячего песка. Запах темно-бордовых помидоров сорта «Бычье сердце» из нашего огорода. Запах подвала, в который меня посылали, чтобы к приходу гостей наполнить пузатые черные кувшины с вишневым орнаментом домашним вином. Запах перебродившей изабеллы.

Запах разбавителя, с которым моя бабушка смешивала масляную краску, пока писала картины в своей мастерской.

Мастерская была моим персональным раем. Она и сейчас – рай, пусть даже после смерти бабушки я был из него изгнан. Слава богу, что в последний свой приезд в этот дом, стоящий на окраине кайфующего у самого берега Сухума, я успел переснять все бабушкины картины. И – те самые этюды, которые теперь всегда со мной.

* * *

Это была настоящая мечта. «Мечта идиота», – может сказать кто-то. Ну и пусть говорит – мало ли дураков.

Этими этюдами я любовался все свое детство. Пялился, как подросток в пубертате на сексуальную красотку. Расспрашивал бабушку, мол, что там, да как. А она с удовольствием рассказывала – жаль только, что в памяти моей не осталось от этих рассказов почти ничего.

Она говорила о домах цвета охры в Чохе. О зелени Табасарана. О синеве Кубачи. О черноте моста, по которому им с дедом нужно было перейти реку, и что переход этот оказался совершенно невозможен, потому что на мост вылезло погреться невероятное количество змей.

Было что-то еще, может быть, даже важное, но теперь стертое, забытое, ушедшее.

А мечта... Да вот же она! Глядя на все эти дагестанские этюды, я понимал лишь одно – то, что очень хочу оказаться в тех самых местах, чтобы увидеть их своими глазами. Охру, зелень, синеву, черноту. Очень хочу. Но – не увижу никогда.

Ну, правда же! Где я, московский школьник, на лето выбирающийся к родным в Абхазию, а где все эти Чохи и Гунибы? «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд» ...

Мечта и правда была идиотской, трудно с этим не согласиться.

* * *

От трех станций навстречу друг другу вышли три «поезда». Первым из них была моя бабушка (думаю, она, человек, обладавший неплохим чувством юмора, вряд ли бы обиделась на меня за это сравнение). Вторым поездом был я.

Дагестан почему-то не давал мне покоя: я доставал им всех, включая столичных коллег. Одна из коллег, кстати, была дагестанкой.

– Ну, посмотри же, – сказал я. – Вдруг узнаешь, что тут за места нарисованы.

– Ок, – ответила она. – Вот это – с синими стенами – мои Кубачи. А еще знаешь, что? Уверена, что твоя бабушка, когда приезжала сюда на этюды, наверняка жила у моего дедушки, потому что тогда почти все приезжие у него останавливались.

Смешно.

* * *

От трех станций навстречу друг другу вышли три поезда... Вот же странная задачка! Что им было нужно, этим поездам? Знали ли они, что когда-нибудь непременно встретятся?

Два года назад я женился на своей коллеге-дагестанке – той самой, что рассказывала

мне о своем деде. И вот тут-то, дав протяжный гудок, от третьей станции и отошел последний состав...

Я попал в Кубачи в возрасте 42 лет – взрослый дядечка с почти полностью поседевшей бородой, тремя детьми и растерянными за ненадобностью иллюзиями.

Как называется кинематографический прием, благодаря которому прошлое и настоящее оказываются в одном кадре? Черт его знает. Может быть, и нет такого. Но у меня случилось именно так.

От трех станций навстречу друг другу вышли три поезда...

По одной из тропинок – где-то в районе Хаща, нижнего села, идут двое. Он и Она. Мужчина и женщина средних лет. Около одного из родников она ставит свой этюдник и начинает крупными мазками фиксировать на листах картона то, что видит вокруг: синие и бирюзовые балконы, людей на плоских крышах, узкую улицу, бредущего по ней ишака, зеленые горы, закрывающие горизонт, полуразрушенную мечеть, низкие проходы под домами. Это – моя бабушка. И это – ее этюды, многие из которых, пусть и не станут большими картинами, нарисуют мне мой Дагестан. И заставят в него влюбиться.

По другой тропинке идет совсем другая Она. Молодая и смуглокожая. Может быть, даже в расшитом золотом белоснежном кубачинском казе на голове. Это – моя будущая жена. И это – ее Кубачи, мечта, врученная мне в качестве свадебного подарка. Мне хочется верить, что поставив холодный от воды мучал на камень, она подойдет поближе к моей бабушке и, как и я, влюбится в ее этюды.

А я... Я тоже выйду им навстречу. «От трех станций навстречу друг другу вышли три поезда...» – таковы условия задачи, которые невозможно изменить.

* * *

... в художественной школе нас учили вот так: протереть шершавый лист влажной губкой, чтобы мазки (лучше, если кисть – колонок) получались еще прозрачнее. Краски соединялись и, переходя друг в друга, рождали воздух.

Мои Кубачи – воздух без лишних деталей. Где-то внизу – согнувшиеся старушки в платках. В траве – тихое поскрипывание кузнечиков. В воздухе – невидимые капельки дождя. Сыр – порист. Облака – мучнисты. Камни – острые. Стены – цвета неба.

Акварель укутывает поверхность листа.

Ни одного разговора, ни одного громкого звука, ни одного резкого движения.

Под ногами осколки скал. Это – дорога. По краям сушатся кругляки из кизяка, смешанного с соломой. Это – для зимы.

Птица, около минуты парящая на одном месте, вдруг резко падает вниз, расправляя крылья лишь у самой земли.

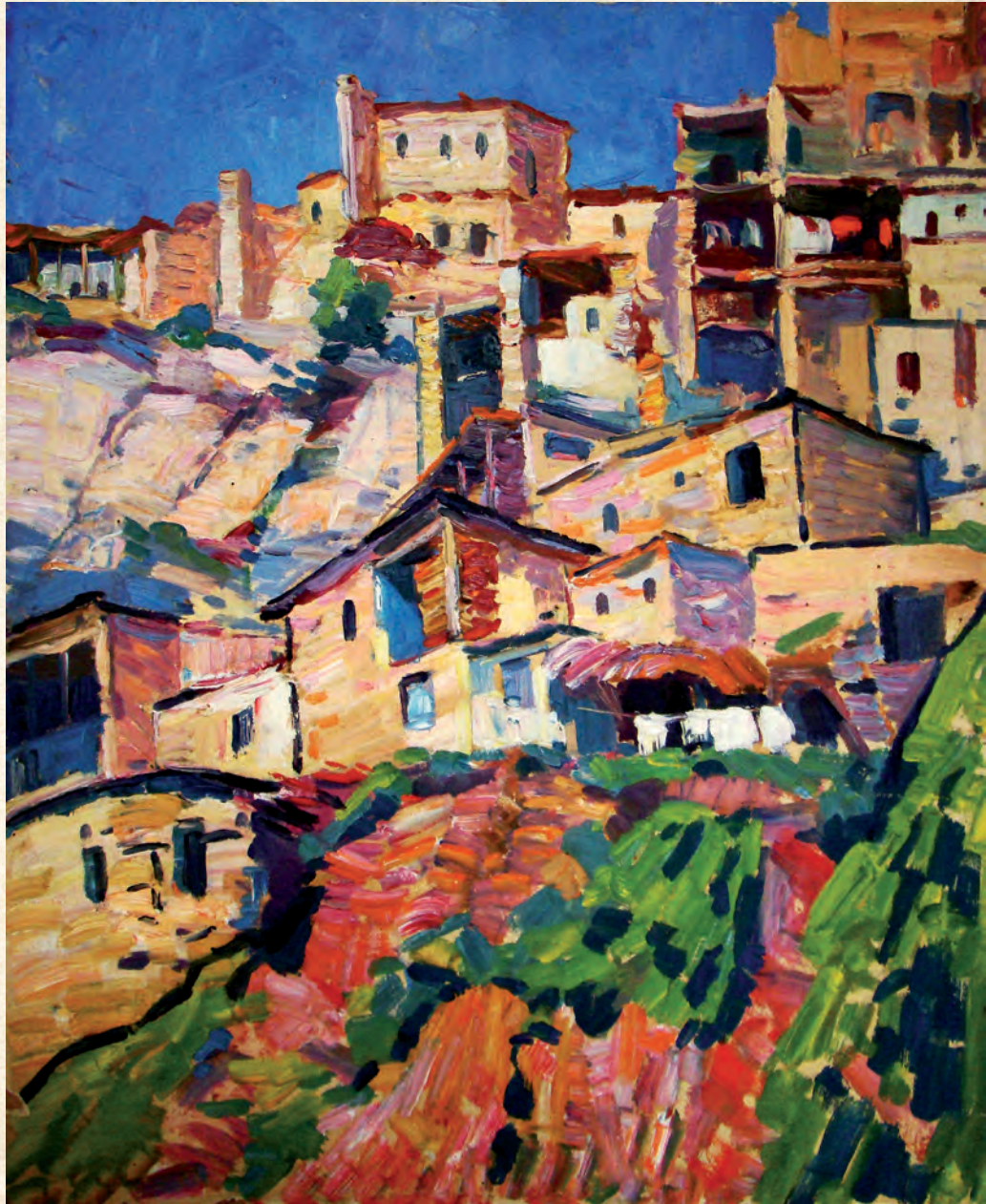
Акварель течет, подгоняемая водой из источника. Она настолько холодна, что сводит зубы.

Мои Кубачи – вода. Бирюза в домах. Ультрамарин на входных дверях. Кобальт в небе. ФЦ на тарелках. Цветущие васильки вдоль дороги. Журчание травы на раскормленных радугами округлых боках Бейхе.

Крик ишака, как сирена небольшого судна, выходящего из порта.

Мои Кубачи – путь. Тропинка вверх, тропинка вниз, примятые цветы под деревом, щербатые остатки покинутого села Амузги, кот, зачем-то спящий в мангале, заросшее крапивой кладбище, старушка, ловко обгоняющая меня на крутом спуске.

Ослепленные временем окна покинутых домов. Женщины, несущие за спиной огромные черные мучалы. Сторожевая башня, видная издали. Еле различимый за туманом Уркарах.

Мои Кубачи – параллельность. Параллельная вселенная. Параллельные судьбы. Параллельные времена. Параллельные мы.

За каждым поворотом тропинки – новая жизнь, новый цвет, новый звук, новая пустота и новая наполненность.

«От трех станций навстречу друг другу вышли три поезда...» Я верю, что они еще непременно встретятся.

Как?

Мои Кубачи – загадка, которую мне не разгадать. И в этом – вся прелесть.

Размывая контуры привычного, акварель дышит мечтами. Хочется дышать вместе с ней. В такт то ли с сердцем, то ли с несущимися куда-то поездами.

Магомед Бисавалиев

Медвежьи «узлы», ночной выстрел и пир в Джурмуте

Я был под сильным впечатлением от рассказов и разного рода страшилок про кавтаров. Еще брат напугал описанием, как кавтар убивает человека...

Была зима 1977 года. В том году весь Джурмут был в заложниках другого гостя, который, в отличие от джиннов и шайтанов, наносил серьезные убытки джамаатам.

Однажды утром брат пришел и говорит, что ночью медведь залез в наш сарай, одну овцу поранил, другую утащил с собой. Был такой медведь-шатун, который не залег на зимнюю спячку, а ходил по аулам ночью и забирал овец. Все попытки выследить и настигнуть его были безуспешны – он исчезал. Медведь был очень хитер и коварен – забирал овец именно из того аула, где не охраняли сараи в ту ночь.

Что только ни придумывали джурмутцы, чтобы избавиться от него. Один додумался

повесить коровью ляжку с капсулом внутри, с капсулом, которым взрывают скалы и твердый грунт. По замыслу охотника капсуль должен был попасть под клык и разорвать медведя на куски. Медведь аккуратно съел мясо вместе с капсулом; видимо, он не попал под клык, и взрыва не произошло. Охотники в очередной раз остались с носом.

Однажды в лунную зимнюю ночь к отцу пришли сельские ребята и сказали, что только что видели, как медведь перед аулом перешел речку и куда-то направляется. Отец прямо со двора выстрелил наугад и так и не понял: попал или нет. А медведь потерялся в кустарнике возле речки. На следующее утро весь аул собрался вокруг убитого медведя. Там были стар и млад из нашего аула и пострадавшие от медведя из соседних. Выстрел оказался роковым для неуловимого шатуна. Прямо в голову. Один шутник

по этому поводу сказал, что не мог Исмаил попасть в медведя с такого расстояния, скорее медведь сам напал на пулю. В то утро у меня походка изменилась – я был безгранично горд за отца, который убил медведя одним выстрелом. Я не уставал рассказывать детям, какой меткий стрелок и храбрец мой отец. По обычаю Джурмута, шкуру забирает стрелок, мясо раздают всем причастным, а потом и всем желающим – если что-то останется. Ни одного куса мяса медведя джурмутцы не оставили, все разобрали люди, чтобы съесть его.

Для людей, скушающих долгими зимними вечерами, это было событием из ряда вон выходящим, праздник и пир на весь мир! Самое яркое – это «Си бугъи». Своего рода презентация добычи или трофея – как хотите. Медвежью голову насаживают на кол. Здоровый, крепкий молодой человек держит на плече кол с медвежьей головой мордой вперед и идет по аулу в окружении большой свиты, с ритуальным танцем и песней. Слева от него идет другой джигит – с медвежьей шкурой и лапами на коле. Справа – сам охотник и его окружение. Мужчины хором перед каждой саклей поют:

**Можер гІака чІвараб гъаб,
Можер хІама чІвараб гъаб,**

**Можер чахъу чІвараб гъаб,
Можер цІини чІвараб гъаб,
Жекъа гъаб жибгу чІвайла
Муж чІвази щолу боъли.
Аб чІварав бахІарчиги
Нежеа къоров вугу...**

О чем же песенка? Даю подстрочный перевод:

*Вашу корову убил,
Вашего осла убил,
Вашу овцу он убил,
Ваших коз тоже убил,
Сегодня он сам убит,
Чтобы не шел он на тебя.
А охотник – молодец –
В гостях сегодня у вас.*

Выходит из дома хозяин, благодарит стрелка, поздравляет с успехом и дает что-нибудь человеку с рюкзаком, который собирает подарки. Чаще всего это были чача кхетинская, сушеное мясо или колбаса; были случаи, когда давали деньги. Затем хозяин сакли и сам присоединялся к толпе, чтобы продолжить шествие в свите победителя. Когда обход всех хозяйств аула был завершен, толпа собиралась в доме охотника, где продолжалось веселье. Это было одно из

самых ярких воспоминаний моего раннего детства.

Для мальчишки, который только начал познавать мир, это все было продолжением снов и песен, и сказок сестры, и легенд, которые рассказывали старшие. Вот ходит по аулу медведь – огромный, косматый, опасный – и забирает барашков. Его убивают, и убивает не посторонний человек, а родной

отец, который тут же сам будто бы входит в легенды. Я страшно гордился тем, что победил медведя мой отец. А если бы на его месте был кто-то другой, я легко доказал бы случайность выстрела и то, что мой отец лучше убил бы, чем тот.

Таковы дети в аулах, но какие они бывают здесь, в городе, никак не могу разобраться, хотя сам уже давно отец троих детей.

Как я в школу пошел

Была осень 1979 года. Я пошел в подготовительный класс Салдинской начальной школы. С раннего утра мама меня искупала, надела на меня молочного цвета рубашку и легкий, из тонкой ткани пиджак с вышитым на нагрудном кармане значком октябрёнка с портретом юного Володи Ульянова. Дала тетрадку с ручкой и отправила в школу.

Был яркий солнечный день, и каждый встречный односельчанин шутками, смехом провожал меня. Я сел за первую парту, хотел стать отличником, мотивация была серьезная.

Оказалось, непросто это, и не получилось – ужасно рисовал, и математику не любил.

В классе у нас было шесть мальчиков и четыре девочки. Преподавать к нам в подкласс пришел мужчина средних лет, он играл на зурне во время сельских свадеб и других торжеств. Я удивился, когда увидел его в роли учителя; кажется, и сам он еще месяц назад не представлял такого поворота. Но к

сентябрю выяснилось, что учителей не хватает, и он стал преподавать нашему классу.

Он следил, чтобы мы правильно сидели за партой, учил, как класть руки на стол, объяснял, что нельзя толкаться, разговаривать, шуметь, что надо внимательно слушать его. Он был добрый и хороший человек, и учитель, кажется, неплохой был – с юмором, мог детей расположить к себе. Но я с трудом понимал, что он говорил. Говорил он на аварском, но не на том, на котором мы в селе разговаривали, а на книжном, литературном аварском.

Книжный аварский я слышал от нескольких женщин, которые привозили на ишаках в аул женскую одежду на продажу, и дома на пластинке песни были на этом языке. Слушал песни, подпевал, но смысла не понимал. Русская речь не звучала у нас в горах, разве что по радио; правда, слышал я однажды, как отец говорил на русском с одним геологом и туристами, которые направлялись в Грузию.

Телевизор тогда в горах не работал. Детских садиков тоже не было. Вот с таким багажом знаний начали мы изучение «великого и могучего» со слов: мама, хлеб, Родина, река, медведь и т. д.

Прошло два месяца, и нам на дом задали выучить целых два куплета стихотворения на русском. Выучу с большим трудом одну строчку и тут же забываю, мучаюсь

с этим проклятым стихом. А еще слова отца крепко в голове засели: «Ты должен учиться отлично!» Больше всего переживаю за это, не хочу его разочаровать. Время бежит, а я не могу выучить и одной строчки. Старший брат, ученик восьмого класса, прочитал один раз и наизусть рассказывает. Просит меня повторить за ним. Не получается – забываю. Он, насмехаясь, называет меня «тупицей». Я плачу и скандалю с ним.

Заходит отец, я заплаканный с потрепанной книжкой сижу у печки. Он подождал меня к себе. Лег на кровать, поправил подушку для себя, потом поднял меня, уложил рядом и спросил: «Что у тебя тут?» Я закрыл книжку, замолчал, отвел глаза от стыда, тихонько заплакал. Подошел брат и рассказал, что не получается у меня со стихом. Отец взял книгу, открыл на моем стихотворении и начал спрашивать смысл слов, их перевод. Выяснилось, что я не понимаю смысла ни одного слова. Он перевел каждое слово, показал девочку с книжкой на иллюстрации и объяснил, в чем смысл этого стиха.

Через полчаса я все запомнил, этот стих я не могу забыть уж лет сорок:

«...Я спрятала куклу,
Играть не хочу.
Не буду играть –
Я буквы учу!
Из букв я сама
Составляю слова.
Сама прочитала:
«Трава и дрова.

Дрова на дворе
Трава на лугу».
Теперь, как большая,
Читать я могу...»

Гениальное стихотворение! Пришел на урок, учитель спросил: «Кто выучил стихотворение?» В классе молчание, я неуверенно поднял руку. Вышел и рассказал. Журнач в шоке, дети в непонятках от моего непрерывного русского, продолжительностью аж в целых три куплета. Получил первую пятерку и сел за парту.

Прошла первая четверть учебного года. Мама поехала в райцентр отчеты сдавать, она работала заведующей фельдшерским пунктом. Отец тоже в отъезде. Учитель дал табель успеваемости и отправил на подпись к родителям. А у меня тройка по чистописанию (была такая дисциплина). Дал старшей сестре на подпись. Она посмотрела и швырнула табель в лицо: «Я троечникам подписи не ставлю...»

Поругался с ней и не знаю, что делать. Утром учитель потребует табель, а там нет подписи. Решил сам сделать подпись сестры, написал ужасным, корявым почерком «Зухра» и пошел в школу. Учитель сразу узнал почерк на троечку по чистописанию, поругал, что это государственный документ, и пару раз дал указкой по голове. Дети одни злорадствовали, другие жалели юного преступника. Теперь я боялся, что журнач расскажет это отцу. К счастью, он оказался благородным человеком, не рассказал.

Александр Карапац

Прощальная краса

Вера вылезла из-под теплого одеяла и подошла к окну. Листья устилали улицу ярким волшебным ковром. Ветерок шевелил их, и, казалось, земля машет разноцветными ладошками, прощаясь с летом. Вера любила осень. В это время на душе почему-то всегда становилось грустно-грустно и в то же время радостно. Грустно – оттого, что прошлое уходит, радостно – от предчувствия нового.

Верка вспомнила своего первого – Ваньку. Эх, Ваня, Ванюшка! Как ты широко и радостно улыбался! Всегда внимательно выслушивал жалобы, терпел капризы! Вера часто злилась, что он молчит, а Иван, наверное, считал, что слова не нужны, и давал ей выговориться. Просто слушал и улыбался. А она обвиняла в бесчувственности, в холодности! И вот однажды осенью его не стало.

Зато появился Петя. Петрушка обнимал ее, говорил ласковые слова. Именно те, которых так долго ждала. Она любила гладить его непоскорные волосы, клочьями торчавшие во все стороны. Любила целовать в мягкие губы. Любила прижиматься к нему холодными ночами. Но и он ее покинул. И тоже осенью. Может быть, Верка сама хотела расставания? Теперь уже не поймешь.

Потом был Михаил. С Мишкой они жили долго. Вера его очень любила. Доверяла тайны, делилась тем, что было на душе. Ему во всем нравилась основательность. За стол садился, только тщательно вымыв руки. Никогда не оставлял на тарелке объедков. К любви тоже подходил

серьезно. Они никогда не обнимались на людях. Лишь укрывшись от чужих взоров, Миша мог позволить себе обнять ее и шептать на ухо те самые заветные слова, от которых таяло сердце. Не одну осень провели они вместе, гуляя по грустным улицам под завывание холодного ветра и коротая вечера у теплого камина за игрой в карты. Казалось, это будет длиться вечно – состояние влюбленности и Мишка. Но вечным ничто не бывает...

Вера глянула на кровать, где мирно посапывал Степан. Теперь вся ее жизнь сосредоточена в нем. Вместе уже почти год. С Михаилом расстались прошлой осенью. И вот опять грусть заползает в душу, как змея за пазуху, и жалит сомнениями. А доверчивая душа впитывает сладкий яд и мечтает о чем-то новом.

Вера пошла на кухню. Таинственные блики играли на стенах и стоявших на полке кастрюлях. Не зажигая света, Верка выглянула в окно. Вид здесь был другим. Казалось, природа взбунтовалась и хочет расправиться с тем, что осталось от летнего спокойствия. Ветер усилился. Листья уже не махали приветливо, а жалобно дрожали как бы в предчувствии конца. Да, осень – это всегда конец прошлого и начало чего-то нового. И хочется верить, что новое будет лучше.

Вера взяла самый большой нож и тихо вернулась в комнату. Степан спал, ни о чем не подозревая. Дрожа от нетерпения, Вера подошла к кровати и со всего размаха всадила нож в грудь своего избранника.

Перед глазами плыли картины прошлого. Вот Ванька веселый, улыбающийся. Он опять молчит, а Верка бьет его молотком по лбу. Бьет снова и снова, чтобы стереть с губ застывшую улыбку.

Вот нежный Петрушка шепчет свои надоевшие уже признания. А Верка, связав ему руки и завязав рот платком, выкалывает ножницами глаза и кромсает непокорные волосы.

А Мишка ушел сам. Наверное, что-то почувствовал. Верка уже готова была и над ним учинить расправу, но однажды на прогулке он пропал. Оставила его на скамейке в парке и отправилась валяться в листьях, а когда вернулась, Мишки на месте не оказалось.

– Верка! Ты опять за старое?

Мама вошла в детскую и сразу все поняла. Растерзанный заяц валялся на полу рядом с кухонным ножом.

– Сколько ты будешь игрушки портить? Не куплю больше ничего! – И в сердцах дала дочери затрещину.

Верка заплакала. Ведь мама ждала именно этого. Но девочка нисколько не жалела о содеянном. Осень же! Нужно прощаться со всем старым.

Надя поставила точку и удовлетворенно вздохнула. Рассказ был готов. Заказ выполнен, можно сдавать в редакцию. Еще раз просмотрела текст, внесла небольшие правки и отправила файл по назначению. Требовалось написать о проблемах в неполной семье, вот и придумала девочку, которая ломает игрушки. А для большего интереса раскрыла секрет в самом конце. Читателям такие ходы нравятся. Вроде полагаешь, что все понял, а реальность оказывается иной. И тема хладнокровных убийств неожиданно превращается в игрушечный фарс.

Надежда подошла к окну. На улице разноцветные листья прощально махали лету ладошками. Осень была ее любимым временем года. В это время на душе почему-то всегда становилось грустно-грустно и в то же время радостно. И хорошо сочинялись рассказы и стихи. Многие писатели, включая Пушкина, любили осень. Наверное, потому, что увядание природы навеивает грусть, а творить в грустном состоянии гораздо легче.

Она взглянула на кровать, где похрапывал Степан. Вместе они уже почти год. Так не хочется расставаться! Мечтала о стабильности, о семье, о детях. Очень надеялась! Но все проходит.

Вот и Михаил мечтал о детях. Говорил, что женится. Но потом неожиданно пропал. И следов не найти. Однажды просто исчез и перестал отвечать на звонки.

Петр жениться не обещал, но был так ласков и нежен, что она о женитьбе даже не заговаривала, наслаждаясь текущим и боясь спугнуть будущее. Пожалуй, самые сладостные воспоминания остались о ночах с Петей, когда он страстно обнимал ее и шептал о любви. Можно ли было усомниться? На ее месте любая поверила бы.

А вот Иван, ее первый, всегда смотрел исподлобья. Улыбался какой-то виноватой улыбкой, как бы предчувствуя расставание. Не ругал, не отвечал на колкости. Чаще молчал, чем говорил. Но тогда казалось, что так и нужно, что такая и бывает любовь. Первая любовь – она всегда самая памятная.

Надя пошла на кухню. Выглянула в окно. Как же все-таки хороша осень! Она взяла нож и вернулась в спальню.

Любе фильм не понравился. Сначала голос за кадром нудно читал историю о том, как женщина убивала своих любовников. Потом выяснилось, что речь идет о девочке, которая ломала игрушки. Дальше появилась писательница, сочинившая всю историю. А в конце выяснилось, что жизнь этой писательницы повторяет историю девочки, и даже появился намек на убийство, когда она взяла на кухне нож.

Идя по осенней улице под руку с Иваном, Люба увлеченно рассуждала о просмотренном фильме. А Ваня лишь теснее прижимал ее к себе, со всем соглашаясь.

– Ну ведь правда, ерунда? Как ты считаешь?

– Конечно, ерунда, милая! Как только такое в прокат пропускают?

– Так ведь не бывает? У нас все будет по-другому?

– Ясное дело, не бывает. Все будет хорошо.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

Первая любовь – она всегда самая доверчивая. Люба и подумать не могла, что всего через несколько месяцев станет ненавидеть эту добрую улыбку и тихий вкрадчивый голос. И даже в самом страшном сне ей не могло привидеться, что уже следующей осенью она будет мечтать о том, чтобы избавиться от Ивана. Будет грустить и мечтать о новом. Ведь осень – время грусти.

Марина Дождь

* * *

Дождит. Смыкаются навек ресницы,
Тоскливо, черт возьми, на старой мостовой.
В вечерний час холодная столица
Привычно слушает гитару и гобой.

Размеренно-спокойным долгим шагом
Отмерены проспекты, годы, побережья,
И почерком размашистым бумага
Исписана давно так щедро и небрежно.

Прохожий остановится в пространстве,
Где мостовая размывается водой,
Спускаясь ниже, к моему убранству,
Уныло взглянет и прошепчет: «Бог с тобой...»

Остывший кофе пар не растеряет
И сигарета дымом терпким не обдаст.
Прохожий все поймет, присядет рядом,
Метафору, как милостыню, мне подаст...

Размыты строки, берега и лица,
Мосты-рога разведены, и люди тоже...
А человеку ничего не снится,
Когда уснуть или проснуться он не может.

* * *

Всё – от прошлого до грядущего – не
считается...
Молчаливая правда душит во мне
скиталицу.

Если вычеркнуть только слово
из строчек,
чтобы не было остановок
и точек,

разбросать бы по редким станциям
печали,
начинать каждый миг, как танец,
сначала...

Позабить все плохое, чтобы
хорошей стать:
бессловесно царапины штопать,
следы – стирать.

И не знать, что такое раны
От тех, кто
Рисовал день твой – ярким, разных
Оттенков.

Я в дороге приобретённую
Амнезией
Дорожила бы в лето теплое
Или в зиму...

Я б молила богов в старости
Об одном:
Сохраните беспамятство
И мой дом...

* * *

Побережье. Трепещет. Блик сонной луны,
Умываемой ласковым, вязким воском.
По песку холодному проплывают сны,
Солоновато, радужно, скользко.

Замерзая над морем, чайки,
место тихое вчера выбирали,
словно самоубийцы, кричали,
сквозь стеклянные воды ныряя.

Брызги, ветер сухой, растворяя,
Выжигает на камне слёзы, как медь.
А художник – в вечных поисках рая –
подозревает, что рисует смерть ...

* * *

Плавное звучанье колыбельной –
за соседней равнодушной стеной.
Это мать младенцу нежно пела:
«Баю-бай, сыночек ... Спи, родимый мой ...»

Чадо отвечало своенравно:
непослушным криком, тоном роковым.
Зрело в человеке слово рано,
первородно, дико, как степной ковыль.

Миллион мелодий и напевов:
шелестят дожди, журчат ручьи –
непокорной, одинокой девой
сиротливо речь ничья звучит.

Так, наверное, невнятно и несмело
пробовал на вкус, на ощупь рисовал –
первый человек, природа пела
на родном наречье – первые слова.

* * *

Золотая птица
Шепчет – улетает.
От неё не скрыться,
Если умираешь.

Говорят, что чайки –
Тонки, быстрокрылы –
Утолят печали
И подарят силы.

Нарисуют стужу,
Ласковые сети
И нырнут поглубже,
Побеждая ветер.

Золотые птицы,
Пролетают чинно ...
Говорят, что снится
Чайкам мертвечина.

* * *

Я становлюсь вчерашним сном.
Припухшими губами губ касаясь,
Как будто бы навек прощаясь,
Я возвращаюсь в старый дом.

Там был пушистый серый кот,
Безусый – потому что стрижка ...
О нём потрёпанная книжка –
И самиздат, и самочтёт.

Весенний терпкий дым костров
И танцы во дворах безлунных.
А с крыш – признания безумных:
«Любимая! На все готов!...»

И вроде бы пространство то же:
Поблекший горный перевал,
Морской заброшенный причал,
Жарю пахнувшая кожа ...

Но голос больше не звучит,
Костры погасли, сердце – в клетке.
А солнце все свои лучи
Утопит в море ближе к лету...

* * *

Плыли пароходы
К дальним берегам.
Солнечной погоды
Все желали нам.

Раскалённый шар
Выкатил на небо.
Заалел пожар,
Охватила нега.

Обезумел люд,
Поснимал рубахи.
Слышно из кают
Только охи-ахи.

Быстрый пароход
Угодил под дождь.
Пьяненький народ
Побросало в дрожь.

Всех с ума сводили
Прихоти погоды.
Незаметно плыли –
Утекали годы.

Каждый пассажир
Верил и мечтал,
Что корабль – жизнь,
Сам он – капитан.

Думалось, что море –
Дом родной. Послушно
Все качались в стороны,
Позабыв о суше.

Ночи чёрно-белые
Разевали рты.
Звезды круглотелые
Звали с высоты.

И глотая сонную
Рябь однажды тихо,
Захлебнулась стонами
Ночь-неразбериха.

* * *

Обещаю отныне не помнить
Ни приснившихся выцветших комнат,
Ни соломенных длинных волос,
Ни ответа на вечный вопрос.

Я теперь застываю, как слепок
С незнакомого больше лица;
Пятый день незнакового лета
Проживаю начало конца.

И рассыпав стеклярус парадный –
Иллюзорную горе-мечту,
Я в дорогу то петлю плету,
То суровую нить Ариадны.

* * *

Пройдусь по выцветшему городу,
Остановлюсь в неподходящем месте:
На каменном мосту,
что брошен к морю.
Проснётся порт,
растянется в улыбке горизонт,
и донесётся тёплый южный говор:
«Спасибо, что ты был на этом свете ...»

* * *

Знаешь, мне часто кажется
бесполезной твоя маета,
тоска по бразильскому карнавалу,
по тем местам,
где плакать сквозь смех удавалось
и жить до ста,
а в танце – спасение мира и красота.
Знаешь, когда ты спишь,
я осторожно считаю твой пульс
и жду, что шепнешь мое имя...
Чужое? пусть...
откликнусь на все имена, любимый,
пока не дождусь...
А ты молчаливо прощай этот мир, Иисус.

* * *

Мне кажется, Вагнер любил рок,
тот, который сам изобрёл,
к которому слушателя привёл,
выдернув из пространства бездомного,
бросив его в пучину бездонную,
в метало-железо-бетонный мирок.

Вагнер знал, что с ума сойти
можно от музыки этой дикой,
броситься в пламя красное с криком,
выкрасить солнце в чёрный
и ежесекундно поминать чёрта,
кричать, подгоняя себя на краю: лети-и-и.

Вагнер берёт музыку, но не сердце.
Он рвал его в жалкие клочья,
раздаривая себя элитарно-точно,
живя вспышками частыми, честными
говорил громко звуками вещими,
танцуя палочкою танго смерти

Чохинка.
Халил-Бек Мусаясул

Из собрания Музея истории города Махачкалы